

РАИМ ФАРХАДИ

ОСТРОВ СТИХОВ





Издано в Великобритании
Издательством Hertfordshire Press Ltd © 2017
e-mail: publisher@hertfordshirepress.com
www.hertfordshirepress.com

По заказу Евразийской Творческой Гильдии, Лондон



ОСТРОВ СТИХОВ
РАИМ ФАРХАДИ©

Язык издания: Русский
Данная книга издана в авторской редакции

Технический редактор: Александра Рей
Менеджер проекта: Мария Индина

All rights reserved. No part of this book may be reprinted or reproduced or utilised in any form or by any electronic, mechanical, or other means, now known or hereafter invented, including photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, without permission in writing from the publishers.

British Library Catalogue in Publication Data
A catalogue record for this book is available from the British Library
Library of Congress in Publication Data
A catalogue record for this book has been requested

ISBN: 978-1-910886-56-4

РАИМ ФАРХАДИ

ОСТРОВ СТИХОВ

Вот что написал о Раиме Фархади его наставник по литинститутскому семинару, поэт Александр Петрович Межиров.

«Стихи Р. Фархади – сплав современности и истории. И то, и другое **выражено**, а не названо. В его сюжетном и бессюжетном творчестве много бодрой и точной фантазии, выдумки. Но ради них он не изменяет действительности, не скользит по поверхности фактов. Р. Фархади избегает случайных подробностей. Подробности нужны ему для достижения верности **целого**. Он ведет свой стих без художочных и вялых рассуждений, и даже от самых бытовых картин исходит веяние свежести.

Хороши его описания природы, возникающие как бы по ходу речи. Он взволнован ее контрастами и в то же время непостижимой и строгой закономерностью стихийных явлений. При известной философичности многих стихотворений, некоторые строки выражают более простые мысли, почти никогда не снижаясь однако до банальности и стереотипа.

Интерес к исторической тематике, к истории культуры у него продиктован внутренней личной необходимостью. Потому и вдохновение его стихов прямое, а не косвенное. Поэт стремится всегда стоять лицом к лицу с жизнью, быть с глазу на глаз с природой, устранить посредников; отвлеченных мыслей не высказывает, а дает свое живое восприятие реальности.

В лучших своих стихотворениях Фархади – мыслитель, но не рассуждающий, а предлагающий свою судьбу современникам, как мысль о времени. Проникнутый духом честности, он не испытывает страха перед прозой, но его строки вовремя уклоняются от нее. Припадая к родной земле, поэт верит, что родники Вселенной неиссякаемы.

Нет сомнения в том, что талантливая книга Р. Фархади должна быть издана».

ИЗ ЦИКЛА «МОЯ ЕВРАЗИЯ»

Земля корней –
Шумящая листва.
Иду по ней.
Рождаются слова.
Они растут, цветут,
Дают плоды.
Здесь мой приют:
Поэзии сады.

КАСЫДА

Я славлю тех, кого согнули годы
И ветры им прибавили морщин.
Будили вновь ненастные восходы
И разлучали в праздник именин.

Познав сто бед, я не заложник гнева
И в лютый холод чувствую тепло,
Меж туч провидя в очертаньях неба
Ладонь отца и матери чело.

Пусть ода, по-восточному – касыда
Тобою преподносится, поэт,
Не властелину, с кем пирует свита,
А тем, кто дал тебе и жизнь, и свет.

Начало 1960-х годов

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Анна Ахматова.

Шёл год сорок второй.
Порой военную
на улицах Ташкента
Она была тогда родной сестрой
Для каждого узбекского поэта.

Роддом. А рядом громыхал вокзал.
И крик младенческий
летел вслед эшелонам –
С нею одним я воздухом дышал
Под благостным азийским небосклоном.

ПЕРЕПЕЛ-БЕДАНА

– Колпаком укрытый, в сетке,
Перепел мой, бедана,
Не стыдись, поёшь ты в клетке
Из-за горсточки зерна.

– Пусть хоть лопнут перепонки,
Петь я буду: «Пит-паляк!»,
Тосковать о перепёлке,
Ждущей в клеверных полях...

ДОМ ДЕТСТВА

*По адресу: Самарканд, Багишамал –
в переводе: «сад северного ветра»,
основанный в эпоху правления Амира
Темура (Тамерлана)*

Стоял наш глинобитный дом,
Похожий на аэродром.

Растает в марте снег едва, –
Над крышей зыбилась трава.

Блаженство в той траве лежать,
Дождаться ветра и бежать.

Сам не взлетишь – бумажный змей
На нитке держится твоей.

Мой змей повиснет в проводах...
И преодолевая страх,

Возьмусь я «пленника» спасти –
И взбучку мне устроит мать.

Отец с постели не вставал,
Не маршал и не генерал.

Мыл утром руки я ему,
Отцу родному своему.

Запомнил я его глаза,
Огнём горела в них слеза.

Живым вернулся он с войны
И умер дома в день весны.

К нему спешил я, встав чуть свет.
Мне было ровно десять лет...

Грустны до боли и тихи
О детстве горестном стихи.

Оттуда смотрят на меня
Четыре трепетных огня.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

Девочка разучивала гаммы,
Напевала простенький мотив.
Услыхав из кухни голос мамы,
Делала короткий перерыв.

Продолжала дальше заниматься,
Трудолюбьем заслужив билет
В многозвучный музыки и счастья
Мир, который манит с юных лет.

ПТИЦА-СВЕТ

(узбекские сказания)

Рассказывал мне сказки дед,
А бабушка шептала в лад:
Где обитает Птица-Свет
И где зарыт старинный клад.
Кто честь народа защитит,
Кто дочку бедняка спасёт.
Вокруг найдётся ли джигит,
Что смело выступит в поход.
Как ни велик ужасный дэв
И скалы рушит пред собой,
Его в сражение одолев,
Джигит живым придёт домой.
Ты сказку ложью не зови.
В ней – древний клад и Птица-Свет.
И заклинание любви
От козней злых, от чёрных бед.
И в дальний собираясь путь,
Разумно дело начинай,
Напева сказки не забудь,
Её советы вспоминай.
Сумеешь ты тогда пройти
Да и верблюда провести
Через игольное ушко.
А там до Млечного Пути
Дойти пешком совсем легко!
Летит по кругу Птица-Свет.

ЛАЙЛАК КОР – ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Давать названия снегам
Прабабушки умели.
И сказки передали нам,
Качая колыбели.
Везла скрипучая арба
В мешках снежок мучнистый,
На местном языке – «арпа»,
А следом – снег пушистый.
Недаром звался он «пахта» –
В горах грозил обвалом...
Земля – от речки до куста
Под белым одеялом.
Стелился на полях ковром,
Твердел дорожным настом.
Блестел чеканным серебром,
Чтоб летом стать богатством.
Чем больше зимних снежных дней
И льда потолще корка,
Зерно созреет покрупней, –
Гласила поговорка.
Впервые чей заметил взор:
В дни марта иль в апреле
Снег аистиный – «лайлак кор» –
Пушинками усыпал двор.
С ним птицы прилетели!..

В те времена, давным-давно
Читали старики «дуо»*,
Чтобы птенцы рождались,
Чтоб не было пустым гнездо,
Жил с аистихой аист.

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ

(1949 год)

Яблоки райского сада
Зрели у всех на виду.
Рай был эпохи распада
В сорок девятом году.

Змей же казался приятным,
Мирным в общенье с людьми.
Он и соседским ребятам
Что-то шептал за дверьми.

Яблоки те уплетая,
Мы и не знали о том,
Что за пределами рая
Ждал пересыльных Содом.

* Молитва о благополучии.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И АЙСЕДОРА ДУНКАН

Называет «Angel», следом: «Chort» –
Айседора – танца чаровница.
С ней готов взойти на эшафот.
Джентельменом стать, остепениться.
Лондон посетить, Берлин, Париж
И Манхеттен в свадебном круизе.
Был поэт одет, как нувориш,
И не счесть скандалов и коллизий.
Выпивая горечи бокал,
Видя берег Родины в тумане,
Он Мариенгофу написал:
«Как прекрасно было в Туркестане».

НАЧАЛО

Вокруг теснота коммунальных дворов.
Скворешники многоэтажных домов.
Но мы выбираем простор и размах.
И нам горизонты любые под стать.
И, право, живущим на птичьих правах,
Одно остаётся – летать.

1960

СЕРДЦЕ САКСАУЛА

*«Пустыня вспыхнет, оживёт,
Струями пламени объята».
Максимилиан Волошин, Ташкент –
Париж, 1901 год*

Дерево то не давало тени.
Сила вся внутри его уснула.
И мираж ручьёв, садов, строений
Окружал владенья саксаула.

Но когда во мгле холодной ночью
Разожгли костёр, чтобы согреться,
Убедились путники воочию
В щедрости его огня и сердца.

Жертвуя зелёною листвою,
Принимая свой удел поныне,
Саксаул растёт, привычный к зною,
Стоя над химерами пустыни.

БОРИС ПАСТЕРНАК

Вижу единоверца,
Оседлавшего ямб и хорей.
Он казнил своё сердце
Повеленьем суровых царей.

Награждён сединою,
И во взоре – белел березняк.
Называл жизнь сестрою
Стихотворец Борис Пастернак.

Нежно трогал растенья,
Отдавая последний поклон,
Он просил извиненья
У прошедших людей и времён.

САД ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

Днём победным карагач
Высадили возле дома.
Бабушки негромкий плач –
Это с детства мне знакомо.

Сколько жизней под откос
Бросила войны лавина,
Карагач кудрявым рос,
Ей напоминая сына.

Из листвы – сыновий взгляд...
В бурях наших дней, событий
Памяти священный сад,
Люди, наконец, взрастите!

ГЛАЗА ВАСИЛЬКОВЫЕ

У вас удивительно синие,
Откуда глаза васильковые?
Хоть дуют здесь ветры пустынные,
Спалить всё живое готовы.

Шагал, «Васильки» свои выдумал
Под небом парижской окраины.
Он синь всю из тюбика выдавил
И чудо представил заранее.

Картина висит над альковами
Цветов изумляя безгрешностью.
Глаза, что зовут васильковыми,
Считают великою редкостью.

А мне ровно через столетие
В просторах отзывчивой Азии
Искать городов многоцветие
Пулями Буре и Каразина*.

Смотрю: синева изразцовая
От жгучего солнца не выцвела.
Глаз ваших краса васильковая
Меня к ним по улице вывела.

* Художники, творившие в Туркестане на рубеже XIX-XX веков.

ИЮЛЬСКАЯ ЖАРА. ВЫСОЦКИЙ

*«На гастролях в Бухаре произошла
остановка сердца».*

Из дневника

Сегодня нам за сорок
И двадцать пять вчера.
Такая же в просторах
Евразии жара.
Охватит боль и ярость,
Когда в душе твоей
Звучит: «...порвали парус...
Порвали парус...» –
И нет вокруг друзей.
Не водка с красным перцем,
Не песня у костра, –
Остановила сердце
Июльская жара.
Ты помнишь, Бухара!..
Сколько взрастил великих
И сколько горемык?
Народ наш на ошибках
Учиться не привык.
А надо бы учиться
До колотья в груди.
И слышать знак: «Всё чисто» –
Идущих впереди.
Чтоб стал здоров, кто болен
Горячкою времён.
Чтоб стал пшеничным полем
Секретный полигон.

Охватит боль и ярость,
Когда в душе твоей
Звучит: «...порвали парус...
Порвали парус...»
И нет вокруг друзей.
Не водка с красным перцем,
Не песня у костра, –
Остановила сердце
Июльская жара.
Ты помнишь, Бухара!..
И если солнца градус
Взлетит за пятьдесят,
Всего-то нам осталось
Пройти и этот ад.
Жив будет слог высокий,
Продолжится полёт.
По телефону – сотке
Высоцкий нам поёт.

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ

Люди в селенье одном враждовали.
В ссорах они уцелели б едва ли,
Если б не вняли однажды совету
Старца, изрёкшего истину эту.

«Есть от вражды наилучшее средство –
Добрососедство, добрососедство».
Кто произнёс те слова – неизвестно.
Может быть, так создавалась Авеста.

Жизнь показала: совет превосходный,
Мудростью назван по праву народной.
Стало селенье в итоге столицей
И процветает, поскольку стремится
Мир находить, пусть порою и в спорах,
Зла не копить и в сердцах, и во взорах.

Сколько веков светит щедрое солнце,
Столько же мудрость живёт, остаётся:
«Есть от вражды наилучшее средство —
Добрососедство, добрососедство».

РЕЦЕПТ ИБН СИНЫ

Как говорил Ибн Сина:
«Ты пей лишь раз в году до дна.
А дальше только пригубляй,
Вино водицей разбавляй.
Жизнь твоя будет хороша,
Коль ясен ум, чиста душа.
Знай, если пить все дни арак,
Твоим владыкой станет мрак».

ВСПОМИНАЯ ХАЙЯМА

Между неверием и верой
Застрял мудрец Омар Хайям.
Он в этом списке был не первый.
Что остаётся делать нам?

РУБАИ

Цвет самаркандских куполов,
Замечу смело,
Ярче небесной сини.
В чём же дело? –
Ведь зодчий повторил оригинал.
Кто знает – видно, небо постарело.

Рогатки детей,
Что украдкой хотели
Попасть в две живые
Пернатые цели,
Сломал я и стал
Для ребят тех злодеем.
А голуби,
Крылья подняв, улетели.

Нахальны и пестры
Концы иных стихов,
Похожи на хвосты
Драчливых петухов.
И рифмы чередой
Венчают чувств фонтан.
Пойми, читатель мой,
Я тоже зритель там.

ДОМ ПАБЛО НЕРУДЫ

Музей «Бухара»

Приезжал он в Ташкент. Это было вчера.

Подарили ему и чапан, и ляган.

«У меня есть в Сантьяго музей «Бухара» –

Сообщал он об этом друзьям и врагам.

«Здравствуй, Пабло Неруда!» – писали ему

Златошвейных и глиняных дел мастера.

И когда его дом погрузился во тьму,

Первым хунта разбила презент гончара.

Кто-то их научил, желторотых птенцов:

В наркотических дозах пить патоку лжи,

И в пределах земных часовых поясов

Ядовитых грибов городить этажи.

А поэт задавал за вопросом вопрос,

Он писал: «Не наступит двухтысячный год».

Тирании соблазн повсеместно пророс

И по ходу сменил генетический код.

Непослушные дети, войдя в его дом,

Сапогами топтали музей «Бухара»...

Инквизиций костры и Греховный Содом –

Это было давно. Это было вчера.

Им разбрасывать камни. А нам собирать

И удар принимать огневой, ножевой...

«Приведут мертвецов. Будут с ними орать,

Чтобы шумно бороться с моей правдой живой»*.

* Строки из стихов Пабло Неруды.

К ПОРТРЕТУ УШЕДШЕГО ДРУГА

Памяти Омадулло

Ушёл мой друг. Как все уходят:
Внезапно. Молча. Навсегда.
Надеялся, что не сегодня
Произойдёт эта беда.

Жил, не сбавляя оборотов,
Без отдыха, во весь опор.
Вдруг на одном из поворотов
Заглох, не выдержал мотор.

В больничном тесном коридоре
Ещё стоим и чуда ждём...
Лишь миг – и хищной птицей – горе
Накрыло яростным крылом.

Остался на фотопортрете
Работой так же увлечён:
Одной рукою – к сигарете,
Другой – эскизы чертит он.

И с ним в пути – гуденье ветра,
На полках – книжное добро,
Набор пластинок в стиле ретро
И тростниковое перо.

СВЕЧЕНИЕ ЖИВОЕ. ТРИПТИХ

Дочкам

Лучистости учиться у цветов,
С тем же старанием,
Как цветы у солнца.
Исчезнет всё, но спорить я готов:
Свечение живое остаётся.

Бывают дни – хандра и мелкий дождь.
Грустит журавль у старого колодца...
Испей воды студёной – и поймёшь:
Свечение живое остаётся.

Расстались мы.
Но сквозь пространства лет
Я вижу вдалеке твоё оконце.
И в нём до боли близкий силуэт...
Свечение живое остаётся.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

За руку держу тебя,
От подружек уводя,
И друзей отбив атаки,
«Ты моя, моя, моя» -
Бьют весеннего дождя
Восклицательные знаки!!!

ТОСТ ИМЕНИННИКУ – СТАРШЕМУ ВНУКУ

Кот прилѣг на курпачу –
Курпачуйствует.
Мигом вспрыгнет – только чуть
Кур почувствует.
Обеспушены бока,
Обесперьяны,
Тѣщей, с видом знатока,
Препроверены.
На столе – универсам:
Ножки бушевы.
Кот бы их поджарил сам,
Мы бы скушали.
А закуска с огурцом
И с икорочкой.
Куры тоже – молодцом –
С жаркой корочкой.
И винцо проверил ГОСТ
Холодильника...
Поздравляет первый тост
Именинника!

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Не монолит, а симбиоз,
Лет монотонных вереница...
В итоге – куст прекрасных роз
В двух доченьках цветѣт, ветвится!

МЕЧТА

А мне простого
Хочется,
А мне простора
Хочется!
Чтоб если даль
Весенняя –
То целая
Вселенная!
И на ветвях
Соцветия –
Слепящие созвездия.
Бескрайности,
Безбрежности,
Людской любви
И нежности.
И в этой неоглядности
По тропке
Проходя,
И радуги,
И радости
Встречать после дождя.
Не уставать,
Надеяться
И знать, что цель близка.
Ковшом
Большой Медведицы
Испить из родника!

ЕЁ ИМЯ ОЙЛАР

Стихи о девушке по имени Ойлар,
Что в переводе означает Лунолика,
О магии и силе лунных чар
Воспринимаются сегодня как реликвия.
А в юности, читая их, поэт
Так искренне смотрел и так естественно,
Её лица ловя чистейший свет,
Ойлар была его Мечта и Женщина.

Он восклицал: «Пленён тобой навек!
Прильнув к тебе пылинкой придорожную,
Я стану Солнцем, чтобы не померк
Твой лик в минуту самую тревожную».

Стихов старинных возрастёт цена,
Если, прочтя их, юная поклонница
Иль в мире женщина, грустящая одна,
Луны очарованием наполнится.

Любовных чувств передавая жар,
Пленённый взором, трепетной улыбкою,
Зови свою избранницу Ойлар,
Зови её своею Луноликою!

Когда бывает сердце влюблено,
В нём кровь словно кипящее вино,
Пьянящее, игривое, густое.
О, счастье, что испить его дано!
Кто хочет спорить с истиной такою?
Нелюбящее сердце не полно,
А сердце нелюбившее пустое.
1984

ЛЮБОВЬ

Любовь бывает долгой,
Любовь бывает краткой.
Любовь бывает гордой,
Любовь бывает шаткой.

Ещё бывает бойкой,
Ещё бывает зябкой...
Любовь бывает горькой,
Любовь бывает сладкой.

Бывает колдовскою,
Слепящей и слепою...
Была бы хоть какою,
Но только бы любовью!

ЩЕДРОСТЬ ПОЭЗИИ

Ремейк на стихи Хафиза Ширази

О вас я думаю, мадам,
Тех слов назад не заберу:
«За вашу родинку отдам
И Самарканд, и Бухару».

В ответ звучало: «Отчего
Так расточителен поэт?» –
Султан велит казнить его
За оскорбительный куплет.

Когда узнали вы о том,
Какая мне грозит беда,
К правителю пришли с письмом
В канун жестокого суда.

«Прошу помиловать певца,
Он это образно сказал,
Чтоб наши разбудить сердца».
Султан перечить вам не стал.

Увидел грозный властелин
Величье женской красоты.
О ней поют в садах долин
И соловьи, и все цветы.

Так стали вы моей женой,
Не сожалеете о том,
Что вместо родинки одной
Себя отдали целиком.

ХРАМ БУДДЫ

Я в храме послушаю Будду.
Почувствовав сладостный слог,
Сомненьями мучиться буду:
Ужели ты истинно Бог?
«Сначала травой мы родились,
На сушу взошли из морей.
Деревья в людей превратились,
А люди – в разумных зверей.
Какое родство между нами?
Мы долей равны – Ты и Я.
Наполнены всеми страстями,
Идём по кругам бытия.
Я видел Вселенной вращенье.
Она целиком из частиц.
Терпенья, забвенья, прощенья, -
И нет ей конца и границ.
В полях наливаются злаки.
И солнце лучами палит.
И звёзды – как вещие знаки,
Как Вечной Судьбы Алфавит».

Калькутта, 1985

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

Трудно жить в Эпоху Перемен
И причём с такой зарплатой куцей...
Скажешь что, Европа – Демосфен,
Промолчишь о чём, Восток – Конфуций?

ХОЛМЫ АФРАСИАБА*

Что таят холмы Афрасиаба,
Дикою поросшие травой...
Кое-где глазурь мерцает слабо
Вперемешку с глиной и золой.

Под пластами – фрески в тронном зале,
С детства это узнавали мы.
Здесь текли ручьи, дворцы стояли.
Сколько ещё тайн хранят холмы...

Долго после страшных разрушений
Над землёй в дыму горел закат...
Строя жизни новые ступени,
Поднимался гордо Самарканд.

ЗАХОД СОЛНЦА

Пишу картину на исходе дня:
Буйство лучей и, кажется, не солнце –
Душа людская, полная огня,
Навеки с миром этим расстаётся.
Как тело бренное, покоится земля:
Но знал Хайям и видел продолженье:
Проснутся утром с криком журавля
Глаза полей – как новое рождение.

* Древнее городище Самарканда до основания разрушалось во времена арабского и монгольского нашествий в VII и XIII столетиях.

ЮБИЛЕЙ ДЕРЕВА

У дерева был юбилей,
На нём полыхали соцветия.
Желали ему: «Не болей,
Таким доживи до столетия».

Узнал я: ровесники мы,
Мы – косточки обыкновенные,
Садовые. После зимы
Всходившие в годы военные.

А шрамы его и мои,
Гласили шальные отметины,
Что в мирное время бои
Бывали значенья неместного.

Минуй нас удар топора
И всякая тварь кровососная,
Чтоб дольше продлилась пора
Горячая и плодоносная.

В лихой городской суете,
Не всё ещё мною потеряно,
Пока я могу доброте
Учиться у стойкого дерева.

Зла не причинять никому
И, боль заглушая сердечную,
Хотел бы, подобно ему,
Нести на плече птицу певчую.

ПАМЯТИ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Он боялся летать самолётами,
Увозили его поезда
По земле меж рисковыми лотами,
А в окне загоралась звезда.
Жизнь катилась мудрёная, разная.
Говорил он друзьям напрямик:
«Это наша Европа и Азия,
Что по сути один материк».
Явь ступала за дивною сказкою.
Дух Манаса струился, высок.
И в косынке алеющей, ласковой
Провожал его в путь тополёк.
Где пустыня страшит каракуртами,
Он писал свой суровый дастан.
Чтобы внуки не стали манкуртами,
Чтоб расцвёл многоликий Туран.
Вновь в объятия неба бездонного
Убегают в ночи поезда.
И за шторкой оконца вагонного
Заповедная светит звезда.
Пусть мелодию тихую, грустную
На прощанье свирель пропоёт.
Над студёной водой иссыккульскою
Белый-белый плывёт пароход.
Озаряется небо агатово
Среди гор и долин и пустынь.
Поминая Чингиза Айтматова,
Прошепчу многоусто: «Аминь...»

Посещу, если будет оказия,
В Алатау кастальский родник.
Под ногами – Европа и Азия,
Что по сути один материк.

ИРИСЫ ЗА ОГРАДОЙ

Листьями линейчатыми выросли
У могильной мраморной плиты,
За оградой расцветают ирисы –
Мамины любимые цветы.

Изменения погоды резкие,
Задевает града полоса.
Поливают их дожди апрельские,
И сыновья упадёт слеза.

Расцветают точно в день рождения.
Так сама растила их она,
Принимая утром поздравления...
Вот и сотая пришла весна.

Сохнут поросли от зноя летнего,
Клубни ирисов упрячет грунт.
С вешними дождями фиолетово
За оградой вновь они цветут.

Май, 2014

ПУТЬ КНИГИ

*Мы – дети бетона,
Но в нас не из камня душа.
70-е годы*

Я написал когда-то книгу «Боль».
Вскипел редактор: «Объяснить изволь,
Ты полон сил. Имеешь бодрый вид.
Зачем порочить наш здоровый быт?»

... Я грипповал недавно... И давление
Порой, как мячик, скачет. «А теперь?
Что классик написал?» – «Товарищ, верь!»
Дадим название книге: «Исцеление».

Через неделю вызвали в Главлит.
Иду туда. Мне цензор говорит
(А у него хронический гастрит):
«Мы вам только хорошего хотим...
Что ставите под именем своим?
Читатели подумают: больна
С поэтом наша славная страна!
Название замените. И стихи
Избавьте от мещанской чепухи.
И декадентской всей белиберды.
И пойте, будто вы Колабельды!»
«... Но ведь Арал остался без воды».
«И что же? Не туды и не сюды?
А поликлиники, а соцобеспечение,
Охрана авторских и прочих прав...

Бесплатно вас отправим на лечение», –
Промолвил цензор, позвонив в Минздрав.

... В итоге вышла книга ещё та,
Название получила: «Добрята».

СЕРГЕЙ БОРОДИН. УРОКИ ИСТОРИИ

Песчаный фон... Видения времён.
Восток и Запад. Туркестан и Русь.
Творит Художник. Ясно видит он,
Что вызывает гордость, боль и грусть.
И, может быть, ещё подспудный страх
Посеян им в читательских сердцах.
Коварный враг переступил порог...
Истории уроки нам не в прок!

2008

ИЗ ЦИКЛА «ДРУГАЯ РОССИЯ»

ЗАПОВЕДИ ПАСТЫРЯ

К 700-летию Сергия Радонежского

«Разбрасывать буду навоз в огороде,
Дух слава Святой и Отца,
Чтоб жить, помогая гонимой природе,
Врачуя болящих сердца.

Кремня будет крепче терпенье и воля,
В глазах – зоркость рыси степной,
Вся щедрость и сила пшеничного поля,
Всё воинство Мира – со мной.

Я буду молиться всечасно и рьяно,
Помимо бросанья копья. –
Сквозь битвы к порогу Святейшего Храма
Ведёт и ведёт колея» *.

* По сказанному им.

ПУШКИН. МИХАЙЛОВСКОЕ

В Москву перекрыты дороги,
Заказаны и в Петербург...
Античные пьяные боги
Поэта в пути берегут.

А, впрочем, куда бы податься?
В России – повсюду снега...
И видят почти святотатца,
И чуют в поэте врага.

Зависимость злая от чина,
От барства, от мелочных дел...
Но есть у поэта Отчизна,
Иной уготован удел.

Минуя преграды, ухабы,
Заносы у Чёрной реки...
Подвиньтесь на лавочке, бабы,
Примите сына, мужики!..

Грядущего дня повитуха –
Аринушкой смотрит светло,
Столица российского духа:
МИХАЙЛОВСКОЕ. СЕЛО.

МАТЕРИНСКАЯ БОЛЬ

Ничего не хочет слышать,
Никого не хочет видеть.
Стала в одночасье лишней,
Кто ж так смог её обидеть?..

В срок ей пенсию приносят,
Сколько следует целковых,
А она поставит роспись
И не вымолвит ни слова.

Где-то в поле за горою
Под Кабулом есть могила
Сына – родины героя,
Но страна о нём забыла.

Внук таксистом стал парижским
И другое носит имя. –
Стёрлось всё, что было криком,
И в душе её пустыня.

Одинокая старуха.
Космы редкие, сухие...
Ей слепой, лишённой слуха,
Умирать в чужой России.

ЕСЕНИНСКИЙ КОСТЁР

Листвы опавшей дымные костры
Согреть не могут ... — Это знал Есенин.
И воздух увядания поры
Он чувствовал до боли средостеньем.

А молод был. Ему бы петь и петь
В родных лесах всё ярче, самоцветней.
Но разбросал пожухлых листьев медь
Заледенелый клён, тридцатилетний.

В обитель чью замыслил он побег,
Когда ему вместо иконы божьей
Являлся снова черный человек,
На дерево сгоревшее похожий.

Рождённый солнцем осени, поэт
Не избежал соблазнов злых и порчи.
В его глазах рябины алый цвет
Застыл в морозе петербургской ночи...

1995

ЛЕТО 2010 ГОДА

Змей Горыныч гулял по России всё лето.
Сжёг леса и пятьсот деревенок спяна,
Ох, уж сколько веков длится сказочка эта:
Ложь наружу, а правда опять не видна.

В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ

Называется эта картина:
«Возвращение блудного сына».
Мы входили.
И молча глядели.
И невольно сердца холодели.
Подступало,
Теснилось,
Мешалось:
И презрение, и жгучая жалость...
Вот
Возник он
Подобием тени...
Вот
Устало упал на колени.
Вот
Прощения, рухнув без сил,
Блудный сын у отца попросил.
И в сыновьем
Затравленном взоре
Отразилось отцовское горе,
И прорезался крик немоты...
Застывали мы,
Зрители в зале,
И на блудного сына взирали,
И свои узнавали черты.

МАГДАЛИНА

Нарекли тебя именем длинным.
Старомодным для нынешних лет.
А подружки приветствуют: Лина!
Кличут запросто: Линка, привет!

Отпустила надменную чёлку,
Губы крашены цветом зари.
На досуге читаешь «Вечёрку»,
И ещё – «Госпожу Бавари».

То блондинкой сльвёшь, то брюнеткой,
Неизменна лишь глаз синева.
Поздороваясь с милой соседкой,
Ей семнадцать, а мне – тридцать два.

Магдалина – хозяйка в квартире.
Нет отца, да и мать умерла.
«Ухажёры опять приходили?»
Признаётся: «Курила, пила».

За стеною не жизнь, а малина.
Развеселье почти до утра.
Ты покайся, моя Магдалина –
Урбаническая сестра.

ЗЕРКАЛА

*«Сибирские реки – вперёд или вспять:
Есть время подумать, есть время понять.
В Залыгинском бодром запале
Мы с Морем страну потеряли...»*

Из поэмы «Сибаральский проект», 80-е годы

К несчастью зеркало разбить:
Степное,
Горное,
Лесное...
Байкал бокалами распить,
Небрежно горлышко отбить...
По ходу,
За столом
И стоя,
Арал на части разделить...
Уменьшить вдвое,
После — втрое.
Конечно, дело непростое,
Но ежели начать кутить!..

А знаем: разбивать нельзя...
Но снова, как посуда с полки,
В разгар веселья,
Иль размолвки,
Шальными брызгами — в глаза —
Летят разбитые осколки.

«Земля красива или нет?» —
Гадает утром Царь-Девнца.
А зеркало молчит в ответ.
Нахмурилось,
Не прояснится...
«Ах, зеркало — лучистый свет,
Когда успело ты разбиться?»
Была вода светлым-светла.
Река размеренно текла,
В ней отражались сосны, ели...
А мы в другие зеркала
Тогда заносчиво смотрели.
И поручались на неделе
Нам позначительней дела!

Права старинная примета, —
Глядим, зовём, —
Струится Лета.
Темно, не разглядеть лица.
И сыну не узнать отца...
Отец его блуждает где-то
Без обручального кольца.
Он как разменная монета...
Стояли рядом деревца.
Пообочь — кустик бересклета...
Не видно в темноте крыльца. —
В осколках потерялось это...
Права старинная примета!

Иль участь суждена такая?
Уж столько сотворили зла
И на Дарье,
И на Байкале,
И унесли, и расплескали,
Себя с лихвою наказали...

Не разбивайте зеркала,
Не попадайте в Зазеркалье!

БУЛГАКОВСКИЙ «БЕГ»

Он вечно в рубцах и заплатах,
И сказано: «Се человек...»
Писался в двадцатых, в тридцатых,
И после Булгаковский «Бег».

Страницы ветрами продуты
И снега бела пелена...
Меняются только маршруты,
Названия глав, имена.

На станциях и на этапах
Другой продолжается век.
И кажется – в наших пенатах
Написан Булгаковский «Бег».

АВАРИЯ В МЕТРО

Ты потерялся. Было так.
У остановки, на перроне
В одной из лобовых атак
Всё сжалось в хвостовом вагоне.

Сирены выли. И везли
Кого-то реанимобили.
Из комы вывели, спасли,
По базе данных не пробили.

Без документов человек,
И пальцев отпечатков, линий,
Исчезнуть может, словно снег
В потоке улиц, шуме ливней...

Застрали в памяти твоей
Осколками семья, работа.
И боль становится острее,
Когда ты хочешь вспомнить что-то.

Взялась уже тебя родня
Искать по весям и по высям.
И в передачу «Жди меня»
Не счесть щемящих сердце писем.

Травинки переворошат
И самого достигнут донца,
Ещё один последний шаг...
И память, может быть, вернётся.

В твоей немыслимой беде
Помочь сумеют, несомненно,
Пока не представляя, где
Искать иголку в стоге сена.

ПОЧТИ ПО БЛОКУ

Ночь. Улица. Кабак. Аптека.
Век двадцать первый – он таков,
Всё для здоровья человека
И облегченья кошельков.

ТОСТ ЗА УДАЧУ

На улице. В мороз. Зимой.
Стоят слепой, глухой, хромой.
Соображают на троих.
А я, друзья, гляжу на них –
И чуть не плачу, чуть не плачу:
Один раздет, другой разут, –
За что же те бедняги пьют?
Представить трудно – за удачу.
Эй, олигархи, ё-моё,
Поднимем тоже за неё!

ИЗНАНКА ВОЙНЫ

*Конец пришёл войне,
Но вся Земля в огне.*

Узнав её изнанку, не посмею
Назвать победой чёрную беду:
Фашисты разгромили батарею,
Все части вдоль границы в том году.

И Сталин отвечал в таком же стиле,
Все маршалы, не только он один.
Убитых миллионами мостили
Кровавую дорогу на Берлин.

Продолжили затем вооружаться
И продолжают это до сих пор.
И сколько ещё будет продолжаться
Апофеоз империй и позор!

Слышна стрельба – Земля подобна тире.
По чьей-то или собственной вине
Мы безнадёжно не готовы к миру
И потому готовимся к войне.

Америка, Россия, две Кореи,
Три Сирии, Ирак и Мозамбик,
Иран, Израиль – все поднаторели,
Мунк это отразил в картине «Крик».

Чья-то удача и тебе награда,
Спокойно в мире –
 мир в твоём доме.
Чужому счастьем радоваться надо,
Рад будет кто-то счастьем твоим.

POESIA

«Глаголом жечь ...»

Попал бы ты в наш век дремучий,
Ах, Пушкин, милый чудотворец.
К чему поэзия? Сподручней
Напалмом жечь сердца людей.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ

На монетке – медный кукиш.
Что топтаться у лотка,
На неё теперь не купишь
Спичечного коробка.

Как положено героям,
Ходим с песней в голове:
«Мы наш новый мир построим
За неделю или две!»

ДОСТОЕВСКИЙ. ПЕРВАЯ КНИГА

В том городе за серой занавеской,
Среди контрастов наших и вандей,
Стоит, как призрак, Фёдор Достоевский,
Вновь потрясённый бедностью людей:
«Доколе им – студентами и старухам
На самой богатейшей из равнин
Быть нищими, святым питаться духом,
Скажи, Господь, и внемли, господин».
Их телефон привычно недоступен,
В который раз отложен Божий Суд.
Кто б ни пришёл – Столыпин или Путин,
Декреты и реформы не спасут.
Нельзя, взирая на Восток и Запад,
Пытаться победить распад и тьму,
Пред кем-то танцевать на задних лапах,
Спиною встав к народу своему.
Медведь-плясун на ярмарке и в цирке
Для зрителей действительно хорош.
Медведь-шатун не будет тупо фыркать,
С ним не шути, охотник, пропадёшь!
Подавлен бунт слепой и беспощадный –
И вдалеке сквозь перевалы лет
Брёл человек босой и безлошадный,
А по земле тянулся красный след...

НАТАЛИ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Ты в Нью-Йорке
Ходишь в норке.
А на юбочке твоей
Те же русские оборки,
И в глазищах – сто чертей.

Нарисованные брови,
Модерновое тату.
Кто-то за твоё здоровье
Пьёт на Бруклинском мосту.

Сколько открывать Америк,
Чтоб от родины вдали
Отыскать, сойдя на берег,
Пушкинскую Натали.

Ты – хозяйка галереи.
За каталоги – мерси.
Выставляются евреи –
Дети матушки Руси.

Провела сезон с успехом,
А недавно я узнал:
Ты продвинутым узбекам
Выделяешь целый зал.

Привезу тебе картины,
Том неизданных стихов.
И на выбор – вместо Димы –
Двух отличных женихов!

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Задумали построить храм.
И потянулись по дворам,
Пошли по весям, по буграм,
Кто дал пятак, кто дал копейку,
Кто – гривенник, кто сразу рейку.
Сначала весело взялись:
Кто строил верх, кто строил низ.
Потом сказали: «Перерыв!»
Кому – в ларёк, кому – в аптеку.
Поели, баночку открыв,
Докуривали сигаретку...
Объект досрочно не был сдан –
Вмешался ли опять Госплан.
Не уложились в пятилетку,
Замазали цементом сетку,
Подвесили телеэкран.
Напутали чего-то там...
Задумали воздвигнуть храм –
Соорудили дискотеку!

ЖЕНСКАЯ ДУША

Остановка временна
На Земле у всех.
Временно беременна
Ты после утех.

Твой бойфренд готовится
Оплатить аборт.
Спросит: «Как здоровьице?» –
Топнешь: «Высший сорт!»

Не Анна Каренина,
Не прочла «Грозу».
Временно беременна, –
Закричишь: «Рожу!»

Ах, судьба-судьбинушка,
Сменит жизни ход.
Запоёшь: «Дубинушка» –
И сама пойдёт.

В бизнесе успешная,
Если посчитать,
Грешная – безгрешная
Одиночка мать.

Англицко-тунгусская,
С иглами ежа.
И всё та же русская
Женская душа!

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ И ПОСВЯЩЕНИЯ»

Я дружбу людей воспевал
И буду её воспевать
Сквозь этот бушующий вал,
Сквозь эту горящую падь.

МУЗЫКА ДЕТСТВА

Скрипач в подземном переходе
При многих зрителях и без
В числе изысканных мелодий
Играл старинный полонез.

И это странное соседство,
Как будто кровная родня,
В моё простуженное детство
Кормило музыкой меня.

Скрипач ловил мои улыбки
И взгляд мальчиший замечал –
И сразу голос его скрипки
Ещё красивее звучал.

Он приходил всегда во фраке,
Пройдя войну, пройдя ГУЛАГ.
«Скрипач-пропойца» – это враки,
Он пил, конечно, но не так.

В берете – жёлтые копейки,
Всего лишь горстка за концерт.
На пиво это – в кои веки –
И внучке на кулёк конфет.

Не проявил тогда я смелость,
Когда нам было по пути
И по дороге мне хотелось
В футляре скрипку с ним нести.

А внученьку представьте сами,
Она, как музыка, светла,
Хрустя беспечно леденцами,
С ним рядом горделиво шла.

БАРСЕЛОНА ЗИМОЙ

Фатиме и Марьям

Одетые не по сезону,
Из города снежных ночей
Поедем в твою Барселону
В объятия тёплых лучей.

Под солнцем – парад первоцветов
И к блюдам – душистость приправ...
Похожий на пёстрое лето
Стоит в зоопарке жираф.

Монотонно, удивлённо,
Изумлённо, восхищённо:
«Барселона, Барселона!»

Скажу храбрецам я: Айм сорри!
Шутить мы не будем с волной.
Холодным любимое море
Бывает январской весной.

Пикассо, Миро и Sagrado,
Где Гауди в небе царит...
Встречать Каталония рада
Теплом своих каменных плит.

Целительный воздух солёный
Вдыхаем у берега мы.
Выигрывает «Барселона»
Футбольные матчи зимы.

Поедем туда за весной.
Всего два часа перелёт, –
Пусть песню с тобой и со мною
Летающий народ подпоёт!

Монотонно, удивлённо,
Изумлённо, восхищённо:
«Барселона, Барселона!»

ПЕРВЫЕ СКРИПКИ

*1 мая 1990 года в кулуарах съезда
движения «Апрель» Булат Шалвович
Окуджава прочитал эти стихи
и отозвался одобрительно: «Поются».*

Нам виртуозы известны.
Есть виртуозы и ныне.
Первые скрипки в оркестре,
Кто же из вас – Паганини?

Бедные пальцы немеют...
Надо сыграть, как ни трудно.
Только ли каждый сумеет,
Если оборваны струны.

Вот, не спеша ты играешь.
Бледность твоя всё заметней.
Струны... Осталась одна лишь.
Надо сыграть на последней.

Надо сыграть, как Николо,
Острым смычком осторожно,
Ласково, гневно, рисково.
Это почти невозможно!

Дай Бог вам славы и чести,
Не бесноватой гордыни.
Первые скрипки в оркестре,
Кто же из вас – Паганини?

АПРЕЛЬСКИЕ ФИАЛКИ

Бетонная опалубка. И рядом
Сплошной асфальт. И горсточка земли
В пути не разглядеть привычным взглядом,
Пока фиалки в ней не расцвели.

Глаза их синеватые в апреле,
Зелёными ресничками – трава.
Поверишь: дождь был тёплый на неделе.
И люди живы. И земля жива.

Так мало надо нам – всего крупцу
Добра, вниманья, почвы и тепла,
Чтоб днём весенним заново родиться,
Чтобы фиалка рядом расцвела.

Проходишь ты в красивом полушалке,
И я с тобою вовсе не знаком.
Ты чувствуешь: вокруг цветут фиалки,
Их аромат струится ветерком...

Фиалки синеглазые в апреле,
Зелёными ресничками – трава.
Вновь тёплый дождь прольётся на неделе.
Цветут фиалки. И душа жива.

ТАНЦЫ ЮГА

Не забуду танцы юга.
Море красок,
Море света.
Где же ты, моя подруга,
С кем танцуешь в это лето?..

За оградой льются звуки.
Круг натёрт до блеска, гладко.
Обвивают змейки-руки... -
Танцплощадка,
Танцплощадка!

Шли матросики вразвалку.
И курортники вздыхали.
Вальс-бостон, ночное танго,
Словно волны на причале.
Мы плясали шейки-твисты.
Кавалеры гарцевали.
А дешёвенькие клипсы
Так сверкали,
Зазывали!

Ты предстала предо мною –
На лице твоём – загадка.
И ударила волною
Танцплощадка,
Танцплощадка.

У причала волны бились
И летели звуки вальса...
Танцы модные забылись,
А старинный вальс остался.
Вдоль аллей вечнозелёных –
Здесь до берега два шага...
Вальс. И брызги волн солёных.
И ещё – ночное танго.

Шли мы к морю после танцев.
На ветвях шептались листья:
Скоро нам навек расстаться,
Осень близко,
Осень близко...

Не забуду танцы юга.
Да и ты, наверно, где-то
Помнишь, милая подруга,
Наше лето,
Наше лето...

За оградой льются звуки...
Круг натёрт до блеска, гладко.
Обвивают змейки-руки, -
Танцплощадка,
Танцплощадка!

1997

ЦВЕТЕНИЕ МИНДАЛЯ

(Романс)

Казалось в юности:
О, как прекрасно
Быть миндалем
И первым расцвести.
Идти на риск,
Не ждать весны приказа,
Когда ещё заснежены пути.

Хмарь февраля,
С прогнозами неясно,
И может ночь прибавить седины.
И в след уже звучит:
О, как опасно
Ему цвести,
Быть вестником весны!

Смешаются снежинки с лепестками,
Как в поцелуе губы опаляя...
А утром чудо:
С первыми лучами
Продолжится цветенье миндаля!

ПЕСНЯ АИСТА

Аист – птица счастья. Птица молчаливая.
Окна, двери – настезь! Аист к нам летит.
– Где же твоя песня? – у него спросил я.
Он прицокнул клювом, будто говорит:
– Аисты когда-то много песен знали,
Все их привечали, все их в гости звали.
Аисты охотно раздавали песни,
Чтобы мир стал ярче, стал ещё чудесней.
Аисты летели. Песни их звучали.
Но однажды утром птицы замолчали.
Все они раздали, до последней песни,
И прицокнув клювом, взмыли в поднебесье.

Я и сам, родная, много песен знаю,
О цветах весенних, о родимом крае.
Чтобы мир стал ярче, стал ещё чудесней,
Я иду по свету, раздавая песни.
Радостную песню отдаю влюблённым,
Раздаётся в песне нежный звон венчальный.
Песню о просторе – людям окрылённым,
Песню-ожиданье – матери печальной...
Птицы пролетают где-то в поднебесье.
Всё отдам я людям, до последней песни.
А когда однажды петь я перестану,
Аистом я стану, аистом я стану.
Аист – птица счастья, птица молчаливая.
Окна, двери – настезь! Аист к нам летит.
Подарю тебе я песню, моя милая,
О судьбе нелёгкой белокрылых птиц.

РОМАНС КОФЕЙНОЙ НОЧИ

Такой бывает ночь:
В кофейном аромате.
Такой бывает ночь,
Сон прогоняя прочь.
Вы, помня каждый миг,
О ней не вспоминайте.
Как зёрна ни толочь,
Не повторится ночь.

Для вас она была
Нелепым исключением:
Слегка касался свет
Поверхности стола.
И наполнялась мгла
Таинственным свеченьем.
Свеча та оплыла,
А ночь была светла.

Порой приходит ночь:
Укрыта тьмой гнетущей.
И на столе свечей
Не стоит зажигать.
Не стоит и гадать
Вам на кофейной гуще,
В ночи кого-то ждать,
О прошлом вспоминать.

Такой бывает ночь:
В кофейном аромате,
Что больше не придёт,
Хоть сколько ни пророчь.
Такой бывает ночь,
Таким бывает счастье –
В обломках наших снов
Единственная ночь.

ПАМЯТНИК ЭПОХЕ

Я бы поставил памятник эпохе:
Один огромный маятник – «Мы – лохи».
От силы ветра он бы стал
Качаться.
Предупреждал:
К нему не приближаться.
А мы бы подбегали, –
Трали-вали,
И лбы свои железкой
Разбивали.

ИЗ ЦИКЛА «КАМЕНЬ ГУЛАГА»

ИМЯ БАБУШКИ

*Моим родственникам, павшим в годы
репрессий, посвящается*

Из Кеша родом бабушка моя.
Что более о ней известно внуку?
Арба судьбы. Тянулась колея
Сквозь войны, мор, гибель и разлуку.
Пройдя катком над гнёздами жилыми,
Утюжило нещадно колесо.
Но сквозь асфальт сумел прочесть я имя
Любимой бабушки своей: Мехринисо.

ДОБРО И ЗЛО

Добро должно быть с кулаками,
Но раскулачил их бедняк,
А Сталин объявил «врагами»
И заживо упёк в ГУЛАГ.

Как талисман у сердца прячет,
Хранит царёвы вензеля,
Поныне Ярославной плачет
Святая Русская земля.

КАМЕНЬ ГУЛАГА

Александр Солженицыну

И хрипели, тянулись руками
Убиенные из-под земли...
И тогда палачи этот камень
На железных волах привезли.
И захлопнули, и заглушили
Из оврага мучительный стон.
Камень мрамором белым обшили,
Монумент был затем возведён.
Грозно-бронзовый, тыщепудовый,
Над пустыней, над снежной тайгой
Возвышался почти стометровый,
А внизу – кровь струилась рекой...
После бронзу срезали кусками,
Лишь тиран всемогущий издох.
Но остался лежать этот камень,
Как свидетель жестоких эпох.
Среди трав потонул в поле чистом,
Дуют ветры и солнце печёт, –
До сих пор кровь из камня сочится...
И танталовы муки не в счёт!

70-е годы

КУСТ ЖАСМИНА В ЦВЕТУ

«Ахматова – жасминный куст,
Обо́жженный асфальтом серым», –
У Клюева слетело с уст,
Зажатых милиционером.

Внук вопрошает: «Где, когда?» –
И содрогается впервые,
Представив страшные года
Тридцатые, сороковые.

Пусть правду всю узнает он:
Погиб в тюрьме поэт опальный.
Ему и многим посвящён,
Поднялся куст мемориальный.

Наряд невестин, праздник чувств,
Растёт, цветёт, взлелеян кем-то.
Ахматовой жасминный куст
В музейном дворике Ташкента.

КРЕПКИЙ ГАЗЕТЧИК

Газетная страна
В формате А4.
Колонками, странна,
Фигурки, словно в тире.

Редактор главный строг
И рубит правду-матку.
Готов сослать в острог,
Заметив опечатку.

Он – благородный лев
С могучей шевелюрой.
За двадцать с лишним лет
Не укрощён цензурой.

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Времени того витают страхи:
Мафиози мнит себя вождём.
А подельник в палача рубахе
И в пенсне – вы знаете о нём.

Вам когтистую протянет лапу
Важный чин. А дальше карусель:
То ли на десятку по этапу,
То ли на недельку в Куршевель.

Суд недолгий. Разговор короткий,
Если записаться на приём.
В окнах те же грубые решётки,
Словно пропасть – лестничный проём.

«Воронки» – ночные полуптицы,
Кружат страхи времени того:
Добровольные цареубийцы,
Дети их – значкисты ГТО.

К СТОЛЕТИЮ МАМЫ

Мама детство провела в Бахчисарае,
Сероглазой девочкой в косицах.
Дед служил в Торгсине, продолжая
В день пять раз отчаянно молиться.

Он считал, что трижды тот иуда,
Бога кто предаст за хлеб и дыню.
Маму с дедом выслали оттуда
В среднеазиатскую пустыню.

Сёстры мамины в Германии учились.
Расстреляли их в конце тридцатых.
Все тогда на маму ополчились,
По стране искали виноватых.

Мой отец, рисковый, дерзновенный,
Маму полюбил он беспредельно.
Повстречался с ней порой военной,
Но об этом расскажу отдельно.

С мамой раз лишь был в Бахчисарае.
Нет её... Но мне сквозь годы снится
Дом и дворик, где она играет
Сероглазой девочкой в косицах.

Май, 2014

У МЕМОРИАЛА «ШОХИДЛАР ХОТИРАСИ» (Мальчик и диктатор)

Когда диктатор умер,
Его гигантский бюст
Легко поднял мальчишка
И бросил с высоты.
Хоть бюст был и массивен,
Он оказался пуст –
Внутри зияла пропасть,
Бездонность пустоты...

В той пустоте – миллионы загубленных душ,
В той пустоте не утихнуть собачьему лаю,
В той пустоте, где оркестры играют «туш»...
Той пустоты никому никогда не желаю!
Огромный бюст – стоял он в школьном зале,
Ему «спасибо» говорили мы.
Учителя учили, ученики не знали,
В нём – пустота, свирепый ужас тьмы!
Бюст пуст. Бюст пуст. Бюст пуст.
На тысячи осколков
Разбился хрупкий гипс,
Остры осколки эти,
Как только ни кроши.
Был воздух над землёю
Ещё тяжёл и мглист.
Страх, порождённый страхом,
Ещё витал в тиши...

КУЛЬТ ВЕЛИЧИЯ

Подобный богам и героям
В стране создавался народ:
«Мы наш... самый новый построим,
А старый в подвалах умрёт!»
– На месте разрушенной чайной, –
Твердил архитектор-творец, –
Воздвигну я необычайный,
Всеобщий питанья дворец.
– Хлопчатником степи засею,
Кавказ, Украину, тайгу
От берега Чу – к Енисею –
И в стужу его сберегу.
– Открою бессмертья таблетки,
В науку пойду напролом,
Когда до конца пятилетки
Мне выдадут красный диплом.
И стали – без счёта количеств,
И нефти – налить дополна,
И ярче ста солнц электричеств,
И хлеба, и даже вина!
То все превращались в учёных,
То вместе сжимались в кулак,
То в тесном строю заключённых
Один составляли ГУЛАГ.
Чабан по горам и долинам,
И в небе отважный пилот,
О мудром, родном и любимом –
Хор стомиллионный поёт.
А кто-то решался на малость –

В ночи зажигая свечу...
И много забот доставалось
Тирану, лжецу, палачу!

КРЫЛЬЯ АНГЕЛА

Невыдуманная история, произошедшая на исходе 1960 года и описанная в рассказе Иосифа Бродского «Путешествие в Самарканд». Рукопись этого произведения не сохранилась.

Он хотел бы стать Ангелом.
Но для этого юноше
Нужен был обязательно
Небольшой самолёт,
На котором он мог легко
Улететь в страны южные,
Над границую крыльями
Растопить неба лёд.

Он хотел бы стать Ангелом —
И с мечтой коммунальной
Аппарат свой летательный
Проискал целый год.
Друг его отговаривал:
«Ты пойми, мы не в Англии.
Этот номер опаснейший
И у нас не пройдёт.

Даже если сумеешь ты
Отыскать поле взлётное,
Где стоят «кукурузники» –
Воплощение мечты.
Подойдёшь невидимкою
К ним спокойной походкою,
Там тебя заскорузлые
Остановят посты».
Хмурой осенью позднюю,
Дым пуская колечками
И любясь из тамбура,
Как вороны галдят,
С другом ехал на поезде,
Выбрав точкой конечною
Воплощение вечности –
Город-сад Самарканд.

Самолёты дощатые –
До единого вычислил
И уже представлял себе,
Как на крыльях летит.
Пиджачок свой единственный
Да ботиночки вычистил
И в тетрадку записывал
Строки юный пиит.

Он хотел бы стать Ангелом.
Но каким? Нет, не мщения,
Херувимом-хранителем
Неприкаянных тех,

Кто на верную смерть в бою
Шёл в рядах ополчения,
Присягая вождям-лжецам,
Им простив смертный грех.

Вы, конечно, узнаете
Его имя со временем.
А пока что события
Лишь качали вагон.
Схож с Икаром по внешности,
Хоть рождён был евреями.
А в общении с музами –
Пушкин и Аполлон.

Рассказал проводник ему
Байку про архитектора,
Про того, что прославился
В Ренессанса года.
Только крылья спасли его,
Ловеласа отпетого,
С минарета высокого
Улетел он тогда.

Проводник чай заваривал:
«Ваши планы заманчивы.
Даже не охраняется
Местный аэродром.
Летчик – брат мой двоюродный,
И зовут его Хачиком.
Дашь ему ассигнацию –
Отвечает добром».

Самарканд, Самарканд ночной –
На бегу не заметили
Купола в стылой хмурости
И – сквозь дождь проливной –
Что бубнили сапожники,
Смуглолицые медники,
Продавцы острых пряностей
И торговцы халвой.

Планы, в общем-то, глупые,
По-мальчишески наглые
Пресекли там в зародыше
И не слишком трубя.
Друг его, носом хлюпая,
Чтобы выручить Ангела,
Порадев, как положено,
Взял вину на себя.

Дали срок ему первому,
Отпустили брательника –
Проследить, куда ниточка
Под конец приведёт.
Запечатали скоренько
Песнопевца-бездельника.
Если б знали, какой они
Разрешили полёт!

Он вернулся один домой,
Повзрослевший, растерянный,
И не помнил рассказ он свой,
Что в дороге писал.

Оказалась тетрабочка
Где-то в сейфе, наверное.
Жуткий сейф бронированный –
Той эпохи оскал.

И почувствовал юноша,
Окружённый метелями,
В дальнем северном городе
Ночью под Рождество:
Есть пути беспредельные,
Что не снегом налеплены...
И растут крылья белые
За спиной у него!

Вот такая история,
Совершенно реальная.
С той поры мир не раз ещё
Посыпался золой.
Вновь твердите, упорствуя:
Вы не видели Ангела.
Поднимите же головы –
Он летит над землёй...

2012–2015 годы, Лондон –Ташкент

ИЗ ЦИКЛА «ЕРУСАЛИМСКАЯ ТЕТРАДЬ»

СТОЛИЦА МИРА И МИРОВ

Ерусалим – что в переводе
Со всех известных языков:
Земля, где человек свободен
От притеснений и оков.

Ерусалим – богоявление
В лучей сверканье золотом,
И вечное благословенье,
Земных племён приютный дом.

Ерусалим, где говорится
Любому утром: «Будь здоров!»
Ты защитишь, как львёнка львица,
Своих детей и стариков.
К тебе моя душа стремится,
Столица мира и миров.

2013

ГАЛИЛЕЯ

Музыканту Амнону Муратову

Вы где, бухарские евреи?
Не заблудились на планете,
Своей достигли Галилеи,
И вы – Израилевы дети.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ НОЙ, КОТОРЫЙ ПРОЖИЛ ... ЛЕТ

Всех удивляет возраст Ноя.
Вот бы узнать его секрет.
Иное не даёт покоя:
А что он делал столько лет?

Простим создателя ковчега:
Книг не читал, ел, пил да спал.
Брёл босиком один вдоль берега
И ждал: грядёт девятый вал.

Ему библейские бояре
Совали взятку, сена сноп...
Он, каждой твари взяв по паре,
Смог честно победить потоп!

СОЛЬ МЁРТВОГО МОРЯ

Соль Мёртвого моря –
 в сосуды мои попадая,
Сердечный недуг исцеляет
 живительной силой течения.
В ней жгучие слёзы
 прошедших пустыней Синая
И с шуткой солёной
 седых праотцов изречения.

ПРОСТОЕ ДЕРЕВО

Я слушаю, как дерево растёт.
Как сладостен восход его соцветий.
Как, созревая, тяжелеет плод.
Как листья падают. Как умирают ветви...

Оно читает проповедь добра,
И утверждает истину упорно,
И не боится стука топора,
Огонь вселенский собирая в зёрна.

То дерево – и суть его чиста.
И не лежит на нём ничьё заклатье.
Живым оно похоже на Христа.
А мёртвое похоже на Распятые.

ГОРОД НА ХОЛМАХ

Снизу посмотришь иль с высоты:
То ли антенны, то ли кресты.
Болю сердечной, броженьем в умах –
Город беспечный стоит на холмах.
Кто прокуратор и кто здесь пророк,
Сколько голгоф уготовил нам Бог.
Бродим по кущам, где дым и распад.
Кто-то отпущен, а кто-то распят.

АВЕЛЬ И КАИН

Неразделимы: Абель и Каин.
Братья. Но будто камень о камень.
Первый зовёт к милосердию,
к участию.

Абель – за справкой.
Каин – с печатью.
Абель со скрипкой.
Каин с копилкой.
Абель с печалью,
Каин с ухмылкой:
– Стоит ли небо синить купоросом?
Род человеческий – он под вопросом.
Каин во власти тщеты и корысти.
Абель – о чести,
о совести чистой.

Каину тяжко.
Опухший. С похмелья...
Брат укоряет: – Беда от безделья.
– Лучше не лезь под горячую руку! –
Абель глядит сквозь последнюю муку...
Каин в раскаянье:
– Бросил – гиенам!.. –
Плачет над братом своим убиенным.
Утром опять поднимается Абель.
Праведник путь свой
Продолжить не в праве ль?
Абель прощает беспутного брата.
Но за добро вновь лихая расплата!

Авель и Каин. Камень об камень.
Порознь скучают. А вместе тоска им.
Жили давно и живут в нашем веке
Авель и Каин... в одном человеке.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

По непроторенной дороге
Она тогда входила с Ним...
И город сам теперь в итоге:
Вхождение в Ерусалим.

Мария, за какую дверью
Присесть удастся, отдохнуть?
Здесь через Тайную Вечерю
Проходит на Голгофу путь.

Маслины зреют в Гефсиманском
Саду и лилии цветут.
И тернии под небом ясным
Назначенного часа ждут.

В том человечьем шумном рое,
Где медоносов нет числа,
Грядёт Пришествие второе:
Уже хлопочет Мать-Пчела.

ГОЛОС КРОВИ

Многоликий люд Ерусалима:
Вечности библейские цветы.
В каждой женщине, идущей мимо,
Вижу Богородицы черты.
И в свече, горящей в изголовье,
В шёпоте огня, листвы и губ
Слышу голос материнской крови,
Зов тревожных Иерихонских труб.

МОИСЕЙ И МЫ

Жду ответа, эксперт Моисей:
Отчего нам и с фронта, и с тыла
Из пустыни чтоб вывести сей
И годов сорока не хватило?

Кто куда – разбегается люд
С ощущеньем пустого кармана...
Он спросил: – Не хромой ли верблюду
Там у вас во главе каравана?

Вместо прямо – за свежей травой,
Запастись у колодца водою,
Получается вновь по кривой –
За верблюдом хромым, за бедою.

КАК СТАТЬ ЕВРЕЕМ?

(Тора)

Во-первых, надо стать самим собой
И в спор вступить с капризницей судьбой.

Страх побеждая, взять себя в узду
И в небе увидеть свою звезду,
Двух треугольников рисуя шесть сторон
Под крики негодующих ворон.
Погромы, огнедышащая печь...
Уроки из прошедшего извлечь.
А во-вторых, до поздних зимних дней
Быть неделимой частью всех людей,
Земли и Неба, наций, вер и стран,
Боль ощущать недугов, тяжких ран.
И в-третьих, через годы и века
Постичь – в чём суть родного языка.
Он связан с почвой – матерью своей
Тысячью тысяч нитей, жил, корней.
Чтоб жаждущих к воде перенести,
Добро в слова добра перевести.
На свете их не счесть по головам...
Мы те, кто произносит: «Мира вам!»
Шолом. Салам.
От Евы – и Калькутта, и Сидней,
Пекин, Ташкент, и Лондон, и Бродвей.
Сильны, живучи и огромны мы,
И навсегда единокровны мы.

«СЕ ЧЕЛОВЕК»

Никем не узнан и не принят,
Чужой побег.
И даже мать его отринет,
И дождь, и снег.

Найдя себе приют в пустыне,
Где русла рек
Сухой песок засыпал ныне ... —
Се человек.

Глас вопиющего, как ветер
В печной трубе.
Ты звал, взывал, но не ответил
Никто тебе.

ЛЕС НА ПЕПЛЕ

Костры Холокоста
Рассыпаны пеплом,
Развеяны ветром
На грешной Земле.
И души людские
Становятся лесом,
Взрастая в остывшей золе.

КНИГА ЖИЗНИ

Бог не спросит: как ты жил?
Было сладко или тошно.
Сколько вытянули жил
Из тебя – он знает точно.

Дьяволу нашепчет бес,
Где, каким прохвостом был ты.
И каков твой лишний вес,
Сколько кровушки попил ты.

ЦАРЬ ИРОД И УДОД

Погибнет каждый, кто войдёт
С прошением к нему.
И первым заглянул Удод, –
Узнал я, почему.

Нарушил дерзким хохолком
Царя покой и свой,
Забрёл к тирану напрямиком,
Рискуя головой.

Удод – он Ирода отвлёт,
Чем, видно, неспроста
Спасти от гибели помог
В младенчестве Христа.

МАТА ХАРИ

Зонг для киносериала

В предпоследней горбачевской пятилетке
Ты работала в израильской разведке.

Телеграммой отправляла сообщения:
«Внуку Павлику пора прислать печенья».

Безусловно, Пашка Шуф из «Пионерки»
У шифровщиков – как шпилька для примерки.

А в «Моссаде» эта фраза означала
День исхода и вторжения начало.

Вытирала окна ты цековском доме
И держалась молодчиной в том Содоме.

Все бумаги, на которых гриф «Секретно»,
Скрытой камерой снимала незаметно.

Ты была в тот миг особенно красива,
Мата Хари Чиланзарского разлива.

Чтоб особенно в Ташкенте не светиться,
Ты носила платье скромное из ситца.

Тебя вычислил водопроводчик Вася.
Руки проводом связав, сказал: «Сдавайся!»

И заметил: «Я люблю тебя с детства,
Несмотря на то, что ты агент «Моссада»,

Мы в девятом за одной сидели партой...» –
«Ты с тех пор почти всегда ходил поддатый!» –

Так его своим ответом пригвоздила.
Только женская на то способна сила.

Ей недельку посидеть пришлось в подвале,
Очень скоро Мату Хари обменяли.

Ваську пьяного отправили в психушку,
Как прослушали внимательно «наружку».

Мата Хари проживает в Тель-Авиве.
Нужен адрес? Подойдите к тётке Риве.

Я поехал, чтоб реально убедиться,
Как на Мату повлияла граница.

Возле моря посетил многоэтажье
И сказал, её увидев: «Ты всё та же».

В модной куртке импозантна и красива
Мата Хари Чиланзарского разлива!

НЕБЕСНЫЙ ДИАЛОГ

(Записанный на высоте 10 тысяч километров в реанимационном отделении)

Дорога в Небо –
По облакам.
Белее снега.
– Прощу. Велкам!
Быть надо магом.
– А ты будь смел.
Спокойным шагом...
И вот сумел.
– Дрожишь от счастья?
Вернулся страх.
Такое часто
Я знал в горах.
Где склон отвесный,
А ты идёшь
Над самой бездной...
И в сердце – дрожь.
Рюкзак дорожный...
– Был таковой.
Скажи, о Боже,
А я живой?
Где мои плечи?
Моя рука
Намного легче,
Чем облака.
– Твоё решение
Хотел бы знать.

Одно движение –
И время вспять.
Вниз полетела,
Огнедыша,
Достигла тела
Твоя душа!

*Январь 2013, Ерусалим – 20 сентября 2015,
Ташкент*

СПОР АТЕИСТОВ

Между Дьяволом и Богом
Оказались атеисты.
Думали: «Пройти бы боком»,
Да уступы каменисты.

Выйти узкою тропою
Из ущелья захотели...
И, теряя под собою
Почву, в пропасть полетели.

На события не взирая,
Спор вели свой до упада:
Что их ждёт? – Чертоги рая
Или подземелья ада.

ИЗ ЦИКЛА «РАССТАВАНИЯ И ВСТРЕЧИ»

В ДОРОГЕ

Уезжаем, улетаем, убегаем,
От судьбы бежим иль за судьбой.
Что ещё найдём, что потеряем,
Календарь листая отрывной.

Станет ли чужбина тёплым домом,
Будет хлеб ли так же сладок в нём.
Привыкая к людям незнакомым,
Жизнь свою мы заново начнём.

Языки чужие и понятия
Неизбежно предъявляют счёт.
И святой завет: все люди – братья –
Нас в пути не раз ещё спасёт.

Нелегко лететь пернатым стаям,
Покидая гнёзда в листопад.
Но известно им, что мы не знаем...
Вновь они весною прилетят.

В небесах ведомы вечным зовом
И другим не веря чудесам,
Воротятся к родовым гнездовьям,
Завещая кров родной птенцам.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО МАЯ. ТАНГО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

В календаре такого нет числа:
Тридцать второго мая не бывает.
Сирень уже в округе отцвела.
Тепло всё прибывает, прибывает.

Тебе нарежу колких роз букет,
Душистых, цвета свадебного платья.
Сегодня ночью ты не скажешь нет,
Ты мне сказала: «В парке буду ждать я».

Ночь пролетит – и кончится весна.
Чреду событий смутно представляя,
Мы знаем, что нам будет не до сна
В ночь вешнюю тридцать второго мая.

Мне слышать сладко твой девичий смех.
Ты мамыны все помнишь наставленья.
И до лобзаний жарких и утех
Ждут свадебные нас приготовленья.

Любовный, дерзкий остужает пыл
В часы ночные майская прохлада.
Меня поймут, кто в юности любил:
Чувств искренних показывать не надо.

Промчится ночь – и кончится весна.
Придёт жара, придёт пора другая.
Пусть всем влюблённым будет не до сна
В ночь вешнюю тридцать второго мая.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Бывает нелегко
Прожить счастливый день.
Совсем недалеко
Над ним нависла тень.

Покоя не даёт
Лик тучи грозовой,
И молния сверкнёт
Внезапно над землёй.

А там, в глуши лесной,
Огнём охвачен ствол.
В миг этот роковой
Он зеленел и цвёл.

Ты мчишься под крыльцо,
Спасаясь от грозы.
Испуганно лицо,
И дождь всю краску смыл.

Одно шепчу тогда,
Тревоги не тая:
«Пускай грозит беда,
Твоя защита — я».

Цвети, моя краса,
В кругу забот и дел.
Прошу я Небеса:
Продлись, счастливый день!

РАССТАВАНИЯ И ВСТРЕЧИ

«До свидания, друг мой...»

Сергей Есенин

Виновата Хиросима
Иль какая-та иная,
Нам неведомая сила,
Что идёт, разъединяя.

Обходя моря и суши,
Посылая ветер дымный,
Разводя тела и души,
Предвещая час пустынный...

Будто линия разлома
Грозного землетрясения,
По стене родного дома
Тянется... И нет спасенья!

Сила жуткая, слепая.
Пули в цель, увы, не мимо.
Лучевая, роковая,
Двигается неотвратимо.

Покидают гнёзда птицы,
И крылами воздух вспорот...
Суждено и нам проститься
Так внезапно. Очень скоро.

Недопетые мотивы,
И рассыпанные перья.
И коней летящих гривы,
И горящие деревья...

И заломленные руки
На полях недавней сечи.
Сколько символов разлуки...
Но шепчу тебе: «До встречи!..»

ИЗ ЦИКЛА «ЗЕМЛЯ КОРНЕЙ»

ТАЙНЫ ДЕРЕВЬЕВ

«Встал, словно дерево, я!»

Владимир Маяковский

Не бывает у деревьев тайн,
У деревьев души нараспашку.
А плоды поспеют – налетай! –
Отдадут последнюю рубашку.

Если срежут ветку – стерпят боль,
Укрывая в зной свою тенью...
В жизни им дана такая роль,
Догадайтесь, по чьему хотенью.

Свет весны и осени распад.
Тихий плач ночного листопада...
Ливнями умытые стоят –
В мире им другой судьбы не надо.

Люди! Рядом с ними, наконец,
Может быть, немного подобраем.
Вырастить, затем нести свой крест –
В мире предназначено деревьям.

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ УХОДИТ

Аральское море уходит
На цыпочках. Море мелеет.
Вдоль берега, как пароходик,
С утра твоё платье белеет.
Быть завтра горячему ветру.
Вздыхает стихия морская,
По камешку, по сантиметру
Подножье скалы обнажая.
Темнеет варан на бархане,
Ему здесь приволье отныне.
Шипит и разносит дыханье
Уснувшей от зноя пустыни.
Уступы остры и покаты,
Солёные травы поникли.
Щемящее чувство утраты,
И странно: к нему мы привыкли.
Наверно, мы тоже мельчали,
Шутя, улыбаясь, как прежде,
Смотрели и не замечали
Потери своих побережий.
Родная, где птичьи базары?
Где чаек твоих изобилье?
Крича, улетали гагары,
Но мы безучастными были.
А волны на отмелях синих,
Тянулись, как будто руками,
И вот отступили, не в силах
Возвыситься над берегами.

Лишь соль заблестит на ресницах,
Крупицею грустной во взоре...
Обнять торопливо.
Проститься.
Уходит Аральское море.

Декабрь 1967 года

КУСТ ЗЛАТОЦВЕТНЫЙ

У подножий Чимгана
Ветер, словно садовник,
Прячет в клубах тумана
Золотистый шиповник.
Куст редчайший, растущий
У твердыни скалистой,
Островок райских кущей
И земли материнской.
После хмурого мая
Он в тепло окунётся,
На заре расцветая,
Запыляет, как солнце,
Золотистый шиповник,
У предгорий цветущий,
Светом души наполни —
Это свет наш насущный.
Синий ветер боится,
Что на праздниках лета
Обломают туристы
Этот куст златоцветный.

Так срывали тюльпаны, –
Набирали охапки,
Эремурусов поляны,
Все скосив без оглядки.
У подножий Чимгана
Разбивали палатки.
Штурмовали тропинки,
Свод цепляя небесный.
Оттого скрылись в дымке
Навсегда эдельвейсы...
Вновь спешат вереницы
Отдохнуть, разогреться.
Синий ветер боится,
И болит его сердце.
В гуле дней и событий
Голос ветра потонет:
«... Я прошу, не губите
Золотистый шиповник».
У подножий Чимгана
Ветер ветхозаветный
Прячет в клубах тумана
Редкий куст златоцветный.

Здесь ушла под воду Атлантида,
В точке, где упал метеорит.
Мы живём в эпоху экоцида,
Бесконечных малых атлантид.

БАЛЛАДА ОБ АИСТАХ БУХАРЫ

В город по весне однажды
Аисты не прилетели.
И почти над крышей каждой
Гнёзда ветхие темнели.
Март прошёл. Но и в апреле
Пустовали птичьи гнезда.
То ли птицы заболели,
То ли сбили с курса грозы.

И в округе шумно стало:
Теснота. Автомобили.
Птицы белые устало
В дымном небе покружили.

Устремляясь вдаль несмело...
Май. Дышало зноем лето.
И гнездо осиротело
На верхушке минарета.

В городе гремели свадьбы.
Ярко улицы пестрели.
Отчего это, узнать бы,
Аисты не прилетели.

Может быть, на самом деле
Птицы сгинули, пропали.
Или где-то рядом сели,
Гнёзда новые собрали.

Или все же на рассвете
Птицы счастья прилетали.
Новорожденные дети
В люльках радостно кричали.

Осень шла за жгучим летом.
За неделями недели.
Снег лежал. Но и под снегом
Гнёзда мёртвые темнели.

Только на исходе марта
Крик взметнулся среди улиц,
Повторяясь многократно:
Наши аисты вернулись!..

Наконец-то прилетели.
Было ветрено и звёздно.
Птицы в сумраке белели,
Ремонтировали гнёзда.

ПАМЯТИ СПИЛЕННОГО ДЕРЕВА

Готовится восстание деревьев,
Что зла твердыни смело сокрушат.
И силою ветвей, стволов, корней
Обидчик будет, наконец, прижат.

Душа твоя вернётся, словно птица,
Плоть, обретая атомарный вес...
И это неминуемо свершится:
Заселит сушу первозданный лес.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Художник рисовал гудящий лес,
Полутонами передал он звуки.
Но вдруг он увидал горящий лес –
И у мольберта, обжигая руки,

Едва успев картину дописать,
Ретировался на автомобиле.
Что слишком поздно лес взялись спасать –
На выставке об этом говорили.

Извечный спор вели о Красоте
Искусствоведы в суете столичной.
А лес гудел тревожно на холсте,
Исконный, древний и косноязычный.

КОРНИ

Что дано от матери тебе?
Что навек передалось отцово?
В той любви, в священной ворожке
Всё сошлось – дыхание и слово.
Строгие отцовские черты,
Мамины – суровых лет седины,
И в одном своём вмещаешь ты
Двух сердец бессонных половинки.

ВСЕЛЕНСКИЙ МУРАВЕЙ

«По газонам не ходить!» Табличка

— Разве вы не видите?

Трава.

— Нет на ней таблички

«Не ходить».

Логика ответа такова,

Значит, можно взять и наступить.

Без таблички — значит растоптать,

Оборвать, бездумно извести,

Напролом, не мешкая шагать,

Хоть ничтожен выигрыш в пути.

Посмотрите пристальней:

Трава!

Это жизни трепетная нить.

Муравья большая голова...

Хочет он о чем-то сообщить.

Хочет что-то важное сказать.

Подождите, чтоб не упустить,

Подождите, чтоб не опоздать.

Муравей возле травы стоит.

Он глазами мудрыми глядит:

«Я не просто, Я пришел помочь.

На ракете я летел всю ночь,

Трижды обгоняя звёздный свет.

Прилетел с лазоревых планет.

Чтобы люди сделались добрей,

Я пришел — Вселенский муравей».

ЭКОСИСТЕМА ПУСТЫРЯ

Бабочки, осы, шмели
С птичкою сизоголовою
Чудное место нашли,
Стало оно их столовою.

Живности кормят семью
Здесь не штампованной пиццею,
Пчёлам по вкусу меню
С дикорастущей горчицею.

Ветер, набрав семена,
Всюду рассыпал старательно.
Сбоку ромашка видна,
Видом своим привлекательна.

Место покрылось травой,
Яркой, душистой, цветущею.
Мне это место порой
Кажется райскою кущею.

Я прихожу на заре.
Здесь тишина не столичная.
Скоро на том пустыре
Стройка начнётся обычная.

Мне ли рассказывать вам:
Мощным отглажен бульдозером,
Вырытый там котлован
В дождик покажется озером.

Кружатся осы. Пока
Не начинают строительство.
Здесь, говорят, на века
Будет людей местожительство.

Что-то эколог искал –
Поросль выявил ценную.
Он это место назвал
Хрупкой экосистемою.

Весна 2015 года

ВОРОБЕЙ

В открытую фрамугу
Влетает воробей...
А я ему, как другу:
– Будь гостем, не робей!
На крыльях – свежий иней,
На тонких лапках – снег.
Ты совершенно синий,
Давай-ка на ночлег!
Тебе насыплю зёрен,
Попотчую хурмой,
Ты станешь вновь проворен,
Зимуй, дружок, со мной.
Пушистый осмотрелся,
Немного попривык,
Лишь малость отогрелся
И – в форточку – чирик! –

– А где твоя подруга
Морозных этих дней?
– Её украла вьюга, –
Ответил воробей.
– А где твоя подруга?
Тут воробышка: – Эх,
Её украла вьюга... –
Нырнул в глубокий снег.
Днём ясным иль в ненастье
Ко мне с тех самых дней
Наведывался часто
Приятель воробей.

Однажды, прочирикав,
Он спрыгнул вдруг на стол.
С ним рядом – воробыха.
Любуйся, мол, – нашёл!
Отужинаем вместе!
Сейчас включу камин...
Тут воробей заметил:
Ты что, дружок, один?
А где твоя подруга,
Не видно почему...
– Её украла вьюга, –
Ответил я ему.
– А где твоя подруга? –
И я промолвил: – Эх,
Её украла вьюга...
Давно растаял снег.

СОСЕДКИ

В местном парке анютины глазки
Беззаботно под снегом цветут.
И ничуть не поблекли их краски,
Хоть ночами мороз ещё лют.
Ах, февраль, – среди дня потеплело,
Редкий выдался солнечный день –
И капель, словно птичка, запела
Над сугробом: «Динь-динь!
День-день-день...»
Ручейки побежали гурьбою,
Не пугает их снежный простор. –
Знать, Зима с молодухой весною
Задуховный ведут разговор.
А Весна, да красна, – примеряет
Серьги – чистые льдинки сейчас.
А Зима ей сама выбирает –
Вот сапфир, вот лучистый алмаз.
У камней золотая оправа,
Каждый камень блестит, как звезда. –
А Весна: – Удивительно, право,
Красотища такая из льда!
– Ты, укройся, голубушка, пледом,
И тебе сразу станет теплей.
Сердце что-то болит пред обедом,
Мне каких-нибудь капель налей... –
Умиленья слеза у старухи,
От лучей просветленье ума...

Это просто досужие слухи,
Что враждуют Зима и Весна!

СЛЕЗА ЛОЗЫ

*Памяти замечательного узбекского ученого-виноградаря
и мудрого восточного винодела Хайдара Салиховича
Юсупова*

Было время – рубили лозу виноградную –
В красных листьях, с гроздьями, живую, нарядную.
Все для целей благих, для большого скачка,
Повеленьем одним, указаньем ЦК.
Тракторами кромсали фетяску молдавскую,
Крымский рислинг и даже шипучку цимлянскую.
Алазанский мускат и туркменский тербаш.
Ризамат наш узбекский – такой был кураж.
Запустенье – где только вчера виноградники
Будни с нами встречали и шумные праздники.
И упала на землю скупая слеза:
За людские грехи отвечала лоза.
Виноградарь стоял у разбитого шпалера,
День кончины лозы объявляя Днем траура...
Сколько лет после злого набега аврального
Проклинали генсека того минерального
И просили совета Хайдара-ака,
Чтобы снова явилась нам из чубука,
Солнца луч обвивая, лоза виноградная,
Тяжелела янтарная гроздь ароматная.
И сверкало вино, как Хайяма строка,
За широким столом у Хайдара-ака!
Полон сил, жизнь считал он великой отрадою.
Как невесту, любил он лозу виноградную.
И в сто лет у него не дрожала рука...

И когда провожали Хайдара-ака,
Было майское утро лоз юных цветения.
Люди в скорби стояли, грустили растения.
О таком человеке мой скромный рассказ,
Кто поныне опора для лоз и для нас.

ЛЕБЕДА

Не доставало –
Были года –
Хлеба и сала.
И лебеда –
Тоже еда –
Жизни спасала.

Хлеб заменяла,
Супом была,
Пищею нашей.
Маму с постели
Трава подняла.
Постною кашей
Так и растёт
Лебеда про запас,
Сорной травой.
Если придётся,
Выручит нас
Силой живою.

ИСТОРИЯ ИРИСА, ИЗЛОЖЕННАЯ ИСПАНКОЙ АННОЙ

Ирис исторгнут иллюзией инея,
Изобразил излученья индиго,
Импульс идей иноземного имени,
Инок иного искусства игривый.

Импровизаций искавший империю,
Иносказание из идеала,
Истин износ импозантно измеривая,
Именно ирис – известный идальго.

Изобличая инертность идиллии,
Ипекуану истёртых извилин,
И истощенность, исчерпанность иловую,
Их иерархов извёл изобилием!

Ирис июньский – исток исцеления,
Испепеленья итог, искупления.

А собаки попадают в рай?
Вопрос маленькой девочки

Собаки тихо плачут умирая,
Глотком последним воздуха дыша.
Похожи слёзы на росинки рая,
В который устремится их душа.

МАРТОВСКИЙ КОТ

Котище, беспризорный, дранный,
Свои зализывает раны
И на боку, и на спине...
До той, что у него на шее,
Он дотянуться не сумеет.
И молча доверяет мне

Присыпать, наложить повязку,
Чтоб завтра побежать вприпляску
К строптивой кошечке одной,
Что стала бед его виной.

Где чёрт кота три ночи носит?
Вернётся и глазами просит
Калорий, чтоб восполнить вес.
Замечу в облике прогресс:
Ухожен. Шерсть кота лоснится.
Так перевёрнута страница
Судьбы кошачей. То-то, брат,
Подруга просто загляденье!
Пришлось исправить поведение –
Семью создали. Ждём котят.

УРОКИ ЖИЗНИ

Не ищите виноватого,
Чтобы разом всё решить,
Научитесь, как Ахматова,
Честно, просто, мудро жить.

Даже если всё потеряно
И дышать невмоготу,
Пейте молча, словно дерево,
Взором Неба чистоту.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

А Земля –
Человеческий дом.
Виснет ласточкиным гнездом. –
Над бескрайнею синею бездной –
Между светом
И тьмою небесной.
Глины ком.
Мы на нём...
И живём!

ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ ПО БРЕМУ И ЛАФОНТЕНУ»

ВОРОНА И ХОТДОГ

Вороне как-то бог
Прислал хотдог.
На ель ворона взгромоздясь,
Уселась, как удельный князь.
Известно, остальные деревья
В морозы распилили на дрова.
А «чёрные – бродяги - лесорубы»
Успели брёвна поменять на шубы.
Хотдог ворона крепко сжала в клюве,
Чтоб разделить среди сироток в клубе.
Глядит – внизу лесной народ толпится:
«Что у тебя – то пармезан иль пицца?»
«Мы пайщики», – заладили дрозды.
«Обманщики, туды вас раз туды!» –
Хотела им сказать, но промолчала.
Крылова басню в школе изучала.
Пускай лиса вороне строит глазки,
Об инвестициях рассказывает сказки.
И заяц, точно ленинский ходок,
Твердит: «А мне с капустою хотдог!»
Поют синички. Гражданин медведь,
И тот решился цепью погреметь!
Из цирка хват. С ним бойкие лошадки,
На даровые угощенья падки.

Стоят, не унимаются каналы,
Как бы законницу они не доконали.

Приветствую районную ворону,
Что круговую держит оборону.

УПРАВЛЕНИЕ ОСЛОМ

Пучок над ним повесив клевера,
Осла манили столько дней.
Качался наподобье веера
Пучок. И двигался быстрее
Осёл за стебельками клевера.
Тащил он возчика и кладь.
И лучше не было конвейера –
Ослom наивным управлять.
Полны особого старанья мы,
Когда и нас из года в год
Лукаво кормит обещаньями
Работодатель – жирный кот.

ЭПИЗОД С МИФОЛОГИЕЙ

Как причудливо, вы посмотрите,
В мире преображается миф:
Вот – солидный. С портфелем. На лифте
Поднимается в гору Сизиф.

СЛОН ЭНД МОСЬКА

Приехал иностранец слон.
К нему явились на поклон
Банкиры волки и артисты –
Козлы, бульдоги-массажисты.
Ослица из бюро услуг
С плакатом: «Вы – наш лучший друг».
И вдруг... Толпа узнала Моську, –
Несла с продуктами авоську.
Слона увидев – тут же в лай.
И как её ни унимай,
Быстрее телеграфной ленты
По закоулкам разнесёт:
«Слон ваш не платит алименты
Своей слонихе целый год».
«Позор! Угломоните шавку!»
Гость как-то сразу приуныл...
«Слон ваш вчера, забравшись в лавку,
Спьяна посуду перебил».
Поддержат лай её соседи.
Стоят довольные медведи.
Кричит петух, смеётся ёж...
Пойдут за правду хоть под нож.
Ай, Моська, знать она сильна,
Когда за нею – вся страна.

НОВЕВ КОВЧЕГ

Хуже кораблекрушенья. —
Отменил свой выезд Ной.
Сверху приняты решенья...
Ной теперь не выездной.
Рассмотрели на парткоме
И сказали твёрдо: «Стоп».
Ной застыл, как будто в коме:
«Как же так? На днях — потоп,
И достаточно обширный.
Что там лодка или плот —
Надвигается всемирный...» —
Нойчик валидольчик пьёт.
На него пришла телега:
«Ветра в поле ищет он.
При создании ковчега
Ной присвоил миллион». —
«Негодяи, звери, твари,
Да какой я толстосум?
По каюте — каждой паре
И слонам — роскошный трюм».
Обвиненья — паранойя.
Город залила вода.
Плыл ковчег... Беднягу Ноя
Оправдали без суда.

РИМ. КАЛИГУЛА

Монолог торговца снедью

«Не изберут в Сенат меня,
Хоть я родился в Год коня
И политически подкован.
Тружусь в отделе продуктового.
Бывает покупатель – хам,
Ему отвешу килограмм
Трески, и сладостей, и жира...
Он мне устроит тарарам –
Я всё стерплю во имя мира.
Крупы ни горстки не украл.
Кто платит в кассу, тот и прав.
За ловкость рук и лучезарность
Шеф объявил мне благодарность».
Сумели же отец и мать
Его Калигулой назвать.
Он спорит со своим куратором.
И если станет императором,
Я тем благословенным днём
Хотел бы стать его конём,
Служить Калигуле и партии
Во славу Римской демократии!

ТРАМВАЙ С ПОПУГАЕМ

Баллада о попугае,
Который ехал в трамвае,
И несколько пассажиров
Это вам подтвердят.
В жизни поездка любая –
Всегда игра с выбыванием,
Что более ощутимо,
Когда за окном листопад.

Такое с вами бывало –
Как Золушка после бала,
Вы ехали без билета
Одну остановку всего.
И, хуже в горах обвала, –
Внезапно вас настигала
Могучая длань контролёра
И грозное имя его.

На помощь позвать пассажира? –
Ему самому не до жира.
У старых часов на конечной
Его благоверная ждёт.
Он слева, а с правого края
Горластого шалопая,
Бразильского попугая
Сантехник в клетке везёт.

И вот, в начале скандала
Слов двадцать – ни много ни мало –
Он голосом адвоката
Картавит тирадой одной:
«Дур-р-рак. Трамвай не торнадо.
Студенточку трогать не надо.
Не видишь? Какая досада,
Забыла она проездной!!!»

И громче солдатского хора,
И шуткой, и вроде укора
Звучало в ушах контролёра
Всё, что произнес попугай:
«Рук будут напр-р-расны усилья,
Пока в них упрятаны крылья,
Слова – только лужа чернильная...
А можешь помочь – помогай».

.....

Баллада на важную тему,
О том, что любую проблему
Решает за нас попугай!

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ПАЛАТА

Электрического ската
Констатировали смерть.
Двадцать первая палата –
Разнеслась сейчас же весть.

Рыбки встали дружным строем:
Ой потеря, ой беда!
Расставание с героем,
Звавшим всех «светить всегда».

«Нам без ската –
Жизнь – тоска-то», –
Причитала рыб семья.
Им акула подмигнула:
«Здесь теперь хозяйка я!»

УШИ

Заболели у сплетника уши,
Мир тоскливее стал и уже.
Настроение совсем неважное,
Спать – не спит и почти не дышит.
Лезет ухом к замочной скважине,
Но беда – ничего не слышит.
Поскорее к врачу на приём,
В кабинет влетел напролом.
– Помоги, – кричит на бегу, –
Больше я терпеть не могу!
Прописал врач больному мазей.
Снова слух у сплетника ясен,
Снова он для людей опасен.

1966

УЛЫБКА СОБАКИ

Могут ли собаки улыбаться?
Могут – убежденью вопреки,
Что дано им только огрызаться,
Лаять и показывать клыки.

«Осторожно: здесь собака злая!» –
Это плюс, а вовсе не изъян,
От её задиристого лая
Дёру даст последний хулиган.

Подойдёте с пряничком и плёткой,
Вас не подпускает ни на шаг.
Со своей начальственной походкой
Для неё вы попросту чужак.

Поначалу нежно потрепите
За ушами малого щенка.
Именем пригожим назовите
И налейте в блюдце молока.

Заведите вы себе собаку,
Вместе с ней гуляйте по утрам,
Не скупитесь на добро и ласку –
И собака улыбнётся вам!

РЫЖИЙ КОТ ПО КЛИЧКЕ ИОСЬКА

*Вспоминая Иосифа Бродского,
напоследок перед своим уходом
говорившего об этом*

Если к вам однажды подойдёт
Бесприютный юный рыжий кот,
Вы его сурово не гоните,
Лучше приласкайте, обнимите.
Назовите вы его Иоськой,
Или Васькой, иль, как в басне, Моськой.
Парком с ним пройдитесь, как с авоськой, –
Кот от радости поднимет хвост свой.
Ведь при всех возможных недостатках,
Сердца и погоды неполадках,
Жизнь земная, ох, как хороша!
Слишком далеко не уезжайте,
Рыжего кота не обижайте,
Просто в нём живет моя душа!

ПРИТЧА О СЫТОМ И ГОЛОДНОМ

Спросили у голодного:
– Чего хотите вы?
– Хочу всего съедобного,
Наваренного, сдобного,
От хлеба до халвы.

Спросили тут у сытого:
– Желаете ли что?
– Поеденного, питого
Ещё бы порций сто!
Очищенного, сбитного,
Обжаренного, ситного,
Машину и манто,
И то, и то, и то! –
Нет времени свободного,
А на кого пенять?
Не накормить голодного,
И сытых не унять!

МАДАМ ЛИТЕРАТУРА

Литература – особая дама.
С ней нелегко заводить отношения.
Утром, с постели объявит вам прямо:
«Не избежали вы, друг, поражения».

А молодые – всегда её слабость,
Выщипать пёрышки может мгновенно.
Сводит на нет вдохновенья крылатость
И превращает в бомжа джентельмена.

Кто-то сгорает быстрее, чем хворост.
С кем-то годами шутя хороводит.
И не имеет значения возраст:
Старый Пегас борозды не испортит.

КОСМИЧЕСКАЯ МИСТЕРИЯ

(К рисунку фломастером 2002 года)

Комедианты с Пушкиным
Решили побухтеть,
К годам, судьбой отпущенным,
Прибавив ровно треть.
Они сумели встретиться,
Таверну отыскав.
В кольце Большой Медведицы
Причалил батискаф.
По рюмочке, по капельке
С ним пили красный ром.
Обнявшись по-приятельски
В две тысячи втором.
И я бы не был Мастером,
Если бы не тот подвал.
За трапезой фломастером
Их всех нарисовал.
От бюста необъятного
Слегка прогнулся стол...
И хвост у пса квадратного,
Как гладиолус цвёл.
Напялил шляпу странную
Английских слов знаток
И птицу иностранную
Держал за поводок.
Ждали Кота Учёного.
Но заблудился Кот,
В гостях у Саши Чёрного
Он встретил Новый Год!

ИЗ ЦИКЛА «ХУДОЖНИКИ И ПОЭТЫ»

ГОРОД МАРКА ШАГАЛА

Я хочу приехать в старый Витебск.
Прошлого столетья год восьмой –
В нём поэт, над серостью возвысясь,
Строит многоцветный город свой.

Не мешают улицы кривые,
Дымный снег и вековая грязь.
Он своей фантазией впервые
Мир преображает не боясь.

Молодой, кудрявый, яркий, рыжий:
А над ним влюблённые парят.
И скрипач косматый, встав над крышей,
Украшает свадебный обряд.

Пёстрые повозки и коляски,
Лошадей нарядные хвосты,
Ярмаркой подаренные краски
Он бросает смело на холсты!

Синью он зальёт закат багровый
Здесь, в ночи, ему творить легко,
Где с рогами лунными коровы
Облаков приносят молоко...

Пусть грозят громами и войною
Сумрачные тучи в небесах.
Сны его наполнены весною:
Ландыши белеют на холстах.

Что ему безумства революций –
Он спасёт с картинами Ковчег.
В поцелуе сладостном сольются
Все его влюблённые навек!

Лондон - Амстердам 7/03/16

ВАН ГОГ В НУЭНЕНЕ

Ван Гог напишет в Нуэнене
Крестьянскую избу.
Горбы деревьев в отдаленье.
И небо – как судьбу.

До самых дней своих последних,
С утра и до утра
Он – сеятель и проповедник
Вселенского добра.

Крестьян и угольщиков лица.
Он с ними – и один.
Растёт, волнуется пшеница
В полях его картин.

ОН СЛУШАЛ МУЗЫКУ ВЕСНЫ...

Февраль Январевич Декабрь
Был зимний человек.
И в светском обществе – дикарь,
Поскольку он – поэт.
Снежинки падали: – Чудак,
Мозгами пораскинъ,
Бездельник, рохля. Это так.
Звенели льдинки: – Дзинь!
Бери! Да это ж дефицит!
Февраль стоит. Молчит.
И где-то в облаках парит.
Не собран и не брит.
Сбежала от него жена...
И в стылых зимних снах
Что снилось Февралю? – Весна
В дождинках и цветах.
Он просыпался, и вздыхал,
И сочинял стихи.
И строки посылал в журнал...
Ему в ответ: «Хи-хи!»
Фортуна улыбалась тем,
Кто улыбался ей.
Не знал застолий и богем,
Он ждал весенних дней.
Был на работе сокращён,
Других вакансий нет.
Как говорят: «Из жизни он
Ушёл в расцвете лет...»
Стихи его нам всем нужны.

Писал он: «Вербь зелены.
Капель и птичья трель...»
Февраль – он видел чудо-сны,
Ночами музыку Весны
Он слышал сквозь метель!

СТРАХИ ЭДВАРДА МУНКА

*Они преследовали художника
до и после написания картины «Крик»*

Между часами и кроватью
Вся жизнь проходит, чёрт возьми.
И времени опять не хватит
Проснуться и успеть к восьми.

Мы на ходу съедаем завтрак –
Сыр козий, финик или злак.
Чем это отразится завтра
На внешнем виде и в делах?

От фобий никуда не деться,
Боязни острого угла.
Мы победили страхи детства,
В миг этот старость подошла...

КАРТИНА С АУКЦИОНА

«Фотограф» Роберта Фалька:
Невские тени. Балет.
Веет сухостью талька
Ещё предвоенных лет

Вернувшийся из Парижа,
Попал Эпикур в ошип.
Смущал его, будто грыжа,
За ним наблюдавший тип.

Набережной, по проспекту –
Приставлен, как мезонин,
Читал на скамье газету,
С виду невозмутим.

До Царскосельского сада
Опутал, как Лаокоон:
«Художник – агент «Моссада»
Или японский шпион».

Сюжет для своей картины
Узрел он в мутном стекле:
Фотографа – мать и сына,
Снимавшего в ателье.

Казалось, детское личико
Смотрит на крестный путь.
Когда вылетает птичка,
И глазом нельзя моргнуть.

Дальше – война. Блокада.
В пыли тонули следы.
Древнего Самарканда
Художник увидел сады.

Ему прибавили зренья
Времён стародавних дворцы.
В цветах и плодах дерева
И звёздные изразцы.

И в благодарность за то, что
Хлеб жизни художнику дан,
Лунной, сверкающей ночью
Писал он ансамбль Регистан.

«Фотограф» Роберта Фалька:
Оригинал или нет?
Веет сухостью талька
Ещё предвоенных лет.

Париж, 2017

МИГ И ВЕЧНОСТЬ

*Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее.*

Н.Г. «Жемчуга», издание второе С.-П.-1918,
книгоиздательство «Прометей»

Сколько раз стреляли в Гумилёва
Строем, приближаясь, и в упор,
Заглушая огненное слово,
Что успел сказать «конквистадор».

Стихи выстрелы. А над Невой звучала
Им произнесённая строка:
«Настоящее – лишь часть начала,
Пройденное – это на века».

КАРДИОГРАММА

У Бродского в стихах больное сердце
И экстрасистола в конце строки.
Отплясывают русские коленца,
Становятся всё более близки
Его стихи, рожденные в Венеции,
И слово, изреченное в Стокгольме,
Заметы и прочитанные лекции,
Поскольку не по слухам эта боль мне

Знакома. И в потоке бурных дней,
Словно горняк, выходит из забоя,
Течёт от сердца по строке моей
В предчувствии вселенского покоя.

ВЫСОЦКИЙ НЕ ЗВЕЗДА... ПОЭТ

Кто говорит – его на свете нет?

Слушаю Высоцкого,
Он – метеорит.
Что же в том особого?
Он ещё летит.

Входит в атмосферные,
Плотные слои.
С неизбывной верою:
«Там, внизу – свои».

И его, родимого,
В блеске строп и лент,
Встретят невредимого
Байконур, Ташкент.

*/Когда-то засекреченный Байконур назывался
"Ташкентом", располагаясь возле селенья Тюратам.
Было такое./*

«БЕГ ВРЕМЕНИ...»

К рисунку на книге

«Аддис-Абеба, город роз...»

Н. Гумилёв. Акrostих Anne Ахматовой

Компьютерное вдохновенье:

Рифм холодеющих улов.

Античных муз оцепененье.

Париж. Сорбонна. Гумилёв.

А чем ему ответить Anne?

Наивным предвкушеньем строк.

Её рисует Модильяни,

Позвав в заоблачный чертог.

«Бег времени» – сродни заклатью

От юных дней до смертных лет –

В каморке над её кроватью

Им нарисованный портрет.

Для парижанина-смутьяна, –

Гадают: кем была она?

Девчонка-тайна, донна Анна,

Или ордынская княжна.

КОРАБЛИК

*Непридуманная история о том,
что со мною произошло в незнакомом
городе «Февраль...
Писать о феврале... »*

Рассеянный, грустный поэт
Вчера потерял вдохновение.
Забыл за проезд взять билет,
Поехал не в том направлении.

Но был тут как тут контролёр,
Все правила знавший отлично.
Он вывел его на позор,
Клеймя, словно критик, публично.

Поэт виновато сошёл,
Едва подошла остановка.
И чувствовал – не хорошо,
Что так получилось неловко.

Дрожали обрывки афиш –
Весенний царил беспорядок.
Там плакал у лужи малыш,
Тонул его белый кораблик.

Бумажный кораблик промок,
Плывя по морям-океанам.
Поэт был совсем одинок,
Но всё-таки был капитаном.

– Давай-ка дощечку сюда!
Мы сделаем мачту и парус! –
От прежней беды ни следа –
Стояли друзья, улыбались.

А был на исходе февраль...
Ждал март свой черёд в нетерпенье.
И скоро подъехал трамвай
И в нужном увёз направление.

1970

ТАМ...

Отвергнута,
Отринута,
Ещё стоит Марина там...
Вокруг черны поля.
Ни цветика,
Ни инока,
И на неё накинута
Елабуги петля.

ГОРСТЬ СТРОК

Великий Рудаки пропел сто тысяч строк.
Нам от его богатств осталась только горсть.
Прочтёшь одну строку – гудит речной поток.
В другой строке блестит лозы согдийской гроздь.

КУБИСТИЧЕСКАЯ ХАРИЗМА

Песня, пропетая в мастерской художника из Хайфы

Квадраты и прямоугольники,
Круги и конусы – всё это
Зачем художники, как школьники,
Рисуют, стоя у мольберта?

Биолог изучает либидо,
Цвета расслаивает призма.
Пикассо ПА-

РАЛ-

ЛЕЛЬНО

Выведал

Предназначение кубизма.

Вот глыбами,
Как лёд арктический,
Свалились майские закаты,
И заиграли кубистически
Классические музыканты.

Картину живописец выставил,
Геометрически балуя.
И в танце линии

ВОЛ-

НИ-

СТЫЕ

Сомкнулись в то-

чке

поцелуя!

АННА АХМАТОВА В ТАШКЕНТЕ

Явление луны –
Иного не бывает.
Когда над глиняной,
Потресканной стеной
Рука плясуньи
Жёлтый бубен поднимает,
В стихах поэтов
Именуемый Луной.

ИДЕАЛЬНЫЙ МИР

Писать стихи учусь я у Таками*
И, может быть, грядущий критик молвит:
Мы оба в жизни слыли чужаками,
Мир идеальный вылепляя в слове.

Переживали за судьбу деревьев,
В улыбках детства счастье измеряли,
Что люди могут всё же стать добрее,
Мы никогда надежды не теряли.

* Современный японский поэт.

ВИДЕНИЕ БАБОЧКИ НАБОКОВА*

Над пространством, асфальтом укатанным,
Сиротливо кружилась лимонница.
Было поле в цветочках когда-то там...
Неужели подобное помнится?

Может, бабочка и не реальная –
Как видение города бойкого.
И цветы, и весна эта дальняя –
Целиком из рассказа Набокова.

В комфортабельной нашей обители
На вопрос мой друзья ли, соседи ли
Повторяют одно: «Мы не видели,
А точнее, её не заметили».

Было поле в цветочках когда-то там,
Заводского посёлка околица.
Над пространством, асфальтом укатанным,
Сиротливо кружилась лимонница.

Прилагаю её описание
И красивый рисунок из атласа.
Хоть на миг напрягите внимание –
Вдруг вам чудо летящее явится.

* Известный поэт и писатель был серьёзным учёным-энтомологом, описал редкие виды бабочек, одна из которых названа его именем.

МОДЕРН

Абстракционизм Кандинского:
Всё баклажанно-салатное,
Солнце – спелой редискою –
Лучше, чем жирно-плакатное!

РЕАЛИЗМ

Увезли последнюю блондинку,
Доживай, деревня стариков,
Под гармонику пляши «калинку»,
Реализм – и тот без берегов.

ЧЮРЛЁНИС

Осколки льда изранить могут,
Растают – и как нет улик,
И только воробышки мокнут
У городских бетонных плит.

На этой улице Чюрлёнис
Творил, сходя в полуподвал.
Он видел неба воспалённость
И, расставаясь, прошептал:

«Ты запахни меня за ворот,
И я усну в твоём тепле.
Не будь же беспощадным, город,
Дай жить растениям и земле».

ФРАНЦИСКО ГОЙЯ

Выбрали безбожника,
Дав ему вчера
Звание художника
Царского двора.

Он глазами встретился
С нею у ворот.
Вот когда наметился
В жизни поворот.

Небо. Краска жжённая.
И к нему тайком
Маха обнажённая
Вышла на балкон.

Накануне бедствия
Выл Гвадалквивир,
Хуже сумасшествия
Страсти полный мир.

Нас в то утро раннее
Из волшебных грёз
«Трасмедитеррания»
Теплоход увёз.

2015

ФРАНСУАЗЕ САГАН

Лети, моё сердце,
К другим берегам...
Когда вдруг
 взгрустнётся –
Ты вспомни о том,
Что где-то живёт
Франсуаза Саган
И светит в ночи
Её маленький дом.
Среди небоскрёбов
И старых мансард,
Ажурных плетений
И тусклых зеркал –
Всё так же фиалками
Пахнет Монмартр,
Шампанским наполнен
Хрустальный бокал!

Лети, моё сердце,
Над ширью земной,
Над зноем пустыни,
Над стыlostью вод.
Где лотос индийский
Белеет луной
И розу Ширази
Целует восход...
Поёт пусть беспечно
Шальное дитя –

Восточных садов
Удивительный дрозд...
Как птица ночная,
На ощупь летя,
Доверься мерцанию
Таинственных звёзд!
Спешу, моё сердце,
К другим берегам.
Ждёт клетка тебя
Иль злачёный дворец,
Воспетый пером
Франсуазы Саган –
Приют одиноких
И нежных сердец!..
И утро приходит,
И день настаёт.
Хозяйка стоит
У высоких ворот.
И кружится птица
Над ней и поёт,
И зёрнышки солнца
С ладони клюёт...

САМОРОДОК

Народным талантам

В земных необъятных породах
Запрятан до срока, незрим,
Отыщется вдруг самородок –
И мы восхищаемся им!

ВЫСТАВКА В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Если вдруг обезьянка
Вам приносит чернила и тушь,
А не деньги из банка
В плетённой корзине для груш,

Значит, вы оказались в Китае.
Год лишь тысяча двести шестой.
Нарисуйте на шёлковой ткани
То, что вы назовёте Мечтой.

Может, сбудется, спорить не смея,
Предлагаю по залам пройти.
Перед вами на стендах музея
В древних свитках – мечты и пути.

ТРАНСПАРАНТ

Да здравствует
Свобода
Слова,
Причём, конечно,
Не одна:
Да здравствует
Свобода плова,
Борща,
Закуски
И вина.

ИЗ ЦИКЛА «СИГНАЛЫ SOS»

АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО

В программах земных новостей
Оскал замечаю звериный,
Когда убивают детей
И всюду – руины, руины...

Последняя мерзкая тварь
Стреляет в них из автомата.
И пули пробили букварь,
Который читали ребята.

В подвалах находят тела
Замученных ангелов божьих.
Набатные колокола,
Скорей разбудите прохожих!

Ужели пройдут стороной
И скроются в тихом подъезде...
Грядёт Страшный Суд, не иной,
Но прежде настигнет Возмездье.

СИГНАЛЫ SOS!

На мусорках цивилизаций вырос,
Беснуется губительнейший вирус.
Стал для него питательной средою
Агар-агар, наполненный тоскою.
Цветок любви, распутства, полумужья,
Безжёнства, донжуанства, малодушья.
Плод нищеты, убожества, ублюдства.
Продукт постыдной грязи, безрассудства.
Возрос в телах, взлелеян мерзким блудом,
Грозит валютным шлюхам и паскудам.
Иглой вонзившись, пожирает сердце
Трясущегося старца и младенца.
Общественный, тюремный и альковный,
Не менее опасен СПИД духовный.
Сигналы SOS (Спасите наши души!)
Сигналы SOS (Спасите наши туши!)
О, как нам быть –
Поморщиться и сплунуть?
На помощь плыть
В ненастную безлунность?
Мы подошли к ужасному пределу,
Когда СВОЯ рубашка ближе к телу.
Погибнут «грешники», и станет всё в порядке.
Чиста постель, и мы на ТО не падки.
Но чувствуем: душа уходит в пятки,
Душа на дно, верней, её остатки...
Душа перестаёт сопротивляться,
В юбчонке пёстренькой Душа стоит на плаццо.
Под дождиком, как под холодным душем,
Подобная таким же бедным душам...

Карандашом она подводит глазки –
Порезче тени и поярче краски...
Злой сутенёр в глумленье беспредельном
Таскается с ней вместе по борделям!
И капля морфия – последняя отрада.
Гашиша вкус у плитки шоколада.
Огнём лукавым светятся рекламы.
И на пути – поруганные храмы.
Общественный, тюремный и альковный...
Не менее греховен СПИД духовный.
Где СВЕТ и ТЬМА сцепились в жуткой схватке,
Бегут, смеясь,
Играют дети в прятки.
И голоса,
Похожие на птичьи,
Летят,
Звучат морзянкой необычной.
Звучат,
Кричат на море и на суше:
Сигналы **SOS (Спасите наши души!)**
Сигналы **SOS (Спасите наши души!)**
Под знаком Смерти наступает СПИД,
На улицах людской песок шумит...

СТРОФА АПОКАЛИПСИСА

Погибель. Запустение души.
В сутанах чёрных дымные рассветы...
На улицах – мужчины-алкаши.
И женщины – цветы и пустоцветы.

НОВАЯ МИФОЛОГИЯ

Авгиевы конюшни
из бетона и кирпича,
Где обитают крысы
и носится саранча.
Варвары наступают.
Рушится Парфенон.
Диких автокентавров
движется легион.
В остроконечных шапках
скифы, поймав кураж,
Последний корабль Эллады
взяли на абордаж.
История – повторенье
событий давних времён.
Но лавры в них пожинает,
кто прежде был покорён.
И во главе каравана
шагает хромой верблюд.
В пустыне за ним по кругу
другие покорно бредут.
Где змеи зла мирового
являют лики горгон,
Хрустит песком под ногами
разрушенный Парфенон.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

И в яблоке таится взрыв...
И ветер, словно дух Ньютона,
Качает ветви монотонно,
Закон движения открыв.

Пока рассеянным огнём
Плод заповедный гладит солнце,
Пока нерасщеплённый стронций
Сладчайшей влагой дремлет в нём.

ИСПАНСКАЯ КОРРИДА

В Испании законом запрещают
Корриду – избиение быков,
Жестокость, кровь, что разум возмущают...
Но отчего людская льётся кровь?

От взрывов бомб она течёт рекою,
Рекою смерти, круг верша такой:
Мы делаем добро одной рукою
И умножаем зло другой рукой.

С высоких, горних башен мироздания
Глас Божий трубы грозно принесут.
Нигде, ни в чём не ждите оправдания,
Когда начнётся тот Последний Суд.

ИСПОВЕДЬ СТРАННИКА

«Человечья судьба
В чужеземной стране
И слепа, и груба –
Объясняйте не мне.

Я осел под мостом.
Рядом свалка и верфь.
И во мне три в одном:
Царь, и нищий, и червь».

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

По счёту какая
Война мировая?
Четвёртая, пятая или седьмая,
Где яростным пламенем город объят.
И беженцев крики, и гибель солдат. –
Всё это в картинке телевизионной
Ты видишь, жестокостью дней потрясённый.
И слышен сквозь толщу стекла отдалённый
Крик детский, сердец материнский набат.

По счёту какая
Война мировая?
Стоишь, замирая,
Что делать, не зная, –
Над крышей твоею пока не бомбят.

ИЗ ЯПОНСКОГО ЦИКЛА

*Посвящается замечательному художнику
Икуо Хираяме*

ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ

Однажды надо посмотреть
На мир глазами незнакомца
Сквозь линзы толстые его очков.

Вся наша жизнь – ожидание.
Мы замечаем это
Стоя на остановке.

Трудней всего загадывать желанья
И верить, что исполнятся они,
Когда ещё вы помните о них.

Та будет вечно процветать страна,
Где праздник почитанья стариков
Сменяет праздник ликованья детства.

Не надо сбивчивых посланий.
Порой достаточно и одного цветка,
Чтоб выразить все пожеланья сердца.

ФУДЗИЯМА

Стремился к ней. Почти достиг подножья.
Вокруг туман...
Куда гора ушла?

Отель. Двенадцатый этаж.
И за окном шум улиц
Напоминает пение цикад.

Холмы в нарядной зелени себя
Стремятся показать, а Фудзияма
Таится в кимоно из облаков...

ИСКУССТВО БОНСАЯ

Красота цветёт и на ладони,
Если держит горсть земли она,
И питает ствол живые корни.

Понимаю язык моря,
Читаю иероглифы деревьев.
Кто скажет, что я не знаю ни слова по-японски?

Внезапно моё сердце замирает.
Я вижу, как из дома вышла ты,
Словно луна из тёмных облаков.

Думал, это ещё репетиция,
Только завтра премьера осенняя.
А наутро в садах абрикосовых
Снег зелёные листья укрыв.

НОВЫЙ ГОД В ТОКИО

Одна большая ёлка – телевышка.
И радуются взрослые и дети
Сверканию её цветных огней.

Слушая в сеульском аэропорту
Незнакомую речь,
Вдруг начинаешь её понимать
С помощью переводчика -
Языка жестов.

ПЕРЕД СВАДЬБОЙ

Одевание наряда невесты.
И венчают земную красу
Ночи Азии. Звёзды-монеты
Золотые звенят на весу.

МЕГАПОЛИС

Хоть этот город суперсовременный,
Есть в Токио толчок обыкновенный,
Где продаётся рухлядь всех времён:
Компьютер и старинный граммофон.

ТОКИО. ГИНДЗА

Гиндза. Улица неоновых огней.
Вечером попав туда впервые,
Ты идёшь растерянно по ней.
Так порою движутся слепые,
Оказавшись без поводырей.

ПАМЯТЬ ХИРОСИМЫ

Воспоминанья матерей
Повсюду в мире схожи.
Но в Хиросиме боль острее,
Острее память тоже:
Застывшая на камне тень –
Сгоревший августовский день.

ГОРОДСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Вдоль небоскребов – хрупкие деревья,
Желтеют на ветвях плоды хурмы.
Они – пример дизайнерского рвенья
И часть того, что потеряли мы.

ЧИСТО ЯПОНСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Щебечет радио: «Отличная погода».
Но в тот же миг в окно посмотришь ты:
Прохожие стоят у перехода
И раскрывают над собой зонты.

АКВАРЕЛИ

Деревца в лёгких платьях
Дышат влагой апреля.
Так легко рисовать их –
Вот мои акварели.
Я достану оттуда
Каплю облачной влаги.
И рождается чудо
На полосках бумаги.

ЛИНИИ СУДЬБЫ

В саду камней, посыпанном песком,
По линиям судьбы читает ветер:
Что было, есть, что следует потом? –
Переберёт песчинок целый ком,
Дней, месяцев, годов, десятилетий...
И улетит «гадальщик» мотыльком –
Ему на те вопросы не ответить.

ИЗ ЦИКЛА «ДО ЛИСТОПАДА И ПОСЛЕ»

КРИЗИС ВОЗРАСТА

Ты говоришь: стала взрослой
И между нами - стена.
До листопада и после
Дни коротаешь одна.

Сердце застыло в коросте,
Долгая ночь холодна.
Не собираешься в гости –
Это моя лишь вина.

Слышал, зима будет поздней,
Что обещает она? –
До листопада и после
Наша вернётся весна!

СМЫЧОК И СКРИПКА

Я – твой смычок, ты – скрипка,
Поющая в ночи.
О, музыка, до крика
Звучи, звучи, звучи.

И дождик многоструйный,
И сосен лес, и ветер,
Весь мир – твой многострунный,
Оркестр, оркестр, оркестр.

Во сне невнятный лепет,
Дыхание ловлю,
Твой пыл и нежный трепет
Люблю, люблю, люблю.

Мелодию шепчу я,
И ты со мною пой.
Повсюду быть хочу я
С тобой, с тобой, с тобой.

Когда сердца и души
В едино сплетены,
Став песней самой лучшей
Весны, весны весны!

СУЕТА СУЕТ

Живём и увлекаемся
Пустяшной суетой.
Поймём. И после каемся,
Дойдя до запятой.

Поставить точку малую
И перестать чудить.
Не мёртвую, а талую
Живую воду пить.

Пора бы браться за дело,
Не языки чесать.
Нет времени, чтоб набело
Всю жизнь переписать!

ТЫ – ИНОПЛАНЕТЯНКА!

Говоришь, строки эти
Не написаны кровью:
«Ах, какой дует ветер,
Он сорвал с неба кровлю».

Ты глазами стреляешь,
Смотришь, словно из танка.
Улыбалась вчера лишь...
Ты – инопланетянка!

Подхожу я с душою,
Нараспашку открытой.
Планы тщетные строю:
«Будь моей Аэлитой».

Я принёс тебе розы,
Твой портрет в синей раме.
Молвишь: я несерьёзный,
Я играю словами.

Я попал в твои сети,
Очарован тобою.
На земле шутки эти
Называют любовью.

ЗАСУШЛИВЫЙ ГОД

(Начальные суры)

Мной правит гнев – недуг ума и сердца.
Кто истерзал их, будто бы шутя? –
Спросил я, повстречав единоверца,
Ответа не дождавшись, как дождя.
Когда земля сорокадневным зноем,
Потрескавшись, неистово кричит
Бескровными корнями и листвою,
Рекламы пепсиколы гордый щит
Ей не поможет, сладостью питая,
И жажда мучает ещё сильнее.
Мой гнев, лети, как туча грозовая,
Над миром дождь спасительный пролей! –
В том истинное назначение гнева.
И направляя не огонь, не меч,
Ростки живые Божьего посева
Дождём желанным сможет он сберечь.
Спадает жар. Вечерняя прохлада.
Небесною росой покрылся луг.
И ровен пульс. Лекарств больше не надо.
Промолвит Лекарь: «Твой прошёл недуг».

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Как тебя защитить,
наш земной заповедник?
Браконьеры сужают захвата кольцо...
Мать Олениха, скрыв оленят среди веток,
Смотрит, страха не ведая, смерти в лицо.

Защитите детей, матерей защитите.
Если нет мужиков,
Божьей милости ждём.
По неведомой нам, необъятной орбите
Он вернётся сюда, ведь Земля – его дом.

ДНИ РАМАЗАНА

(Чтение сур)

Тот, кто не слышит слов Пророка,
Погибнет в пропасти порока,
В которую легко упасть.
Так велика соблазна власть:
Долги земные забывая,
Ещё колеблясь, встать у края.
«Летать!» – чарующий девиз,
Рвануться вверх и падать вниз.
Звучит мотив моей свирели
Печально около ущелий.
Там грифы подберут в горах
На дне глубоком чей-то прах.

МУЖСКАЯ СЕДИНА

Оглянуться не успеешь –
Вот дела, такие-то дела:
Первый круглый юбилей лишь,
Не хандришь и не болеешь,
Поглядишь и обомлеешь –
Снега нет, а голова бела.

Молодая чаровница
Оценила жизни новый поворот.
Бес в ребро, как говорится,
Можно в сотый раз влюбиться.
Повторяет вся столица:
«Седина вам удивительно идёт»

Так продолжим восхождение.
Знаком зрелости и мужества дана
И, конечно, в украшение,
И ничуть не в утешенье,
И совсем не в устрашение
Гор вершинам и мужчинам – седина.

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

Построили подземный переход
И продолжаем игры подковёрные.
Вокруг своих достаточно широт,
А счастье ищем где-то в Калифорнии.

СОЗВУЧИЕ СЛОВ

Рифма – дочь Аполлона
И нимфы по имени Эхо.
Возле горного склона
Резвится она, неумеха.

Кто прикинулся ветром? –
Бог юный души в ней не чаёт.
Молвит слово при этом,
Созвучно она отвечает.

Слышим: «Здесь. У пруда». –
Кружит бог-ветерок в нетерпенье.
Рифма: «Нет. Никогда». –
Так рождается стихотворенье.

СТЕКЛОПОСУДА

(Напоминание соседу)

С учётом хрупкости и ломкости
Союза тела и души.
Бутылки и другие ёмкости
Бросать с балкона не спеши.

Дурной пример, он заразителен.
У многих ёмкости пусты.
И в мире этом удивительном
Сам под балконом ходишь ты.

СЫНОВЬЕ СЕРДЦЕ

Половина сердца матери
Бьётся у меня в груди.
Просит мама: «Будь внимательней,
В лес дремучий не иди».

А отцовая – бедовая
Доля сердца моего:
«Ты не бойся», – слышу снова я
Наставления его.

Там ты встретишь друга верного,
Победишь злодейку ложь.
Оседлаешь Волка Серого
И Любимую спасёшь.

Я советы сердца слушаю –
Ближе мне на свете кто?
Отыщу дорогу лучшую,
Хоть придётся нелегко.

И в пути смотрю я под ноги –
Мама ведь всегда права.
И о смелости, о подвиге
Помню я отца слова.

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА

Скромно жил студент Ливаев
В нашей ветхой махалле.
Доказал он, что бывает
Явью сказка на земле.

Торговать не стал оружием,
Не искал чужой судьбы,
Он в дороге обнаружил
Древний клад Али Бабы.

В нём без счёта самоцветов –
Был купец умён и смел.
Наш земляк богатство это
В бизнес свой вложить сумел.

Изучил он досконально
Карла Маркса «Капитал»,
Стал богат феноменально
И от жизни не устал.

На вопрос ответит гордо:
«Отчего я так богат?»
Мудрость нашего народа –
Вот мой самый главный клад.

Всех на Пасху созывает,
Руки у него щедры.
Он корней не забывает:
Самарканда, Бухары.

ТОСТ В ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Любимой жене

Есть женщины такие, есть:
Им вечно тридцать шесть и шесть –
Нормальная температура
И идеальная фигура,
Хотя забот всегда не счесть.

В прикидной куртке и в пальто,
У остановки и в авто,
В кругу семейном, на работе
За что их ценят – вы поймёте,
Как говорится, есть за что.

Есть женщины такие, есть.
И это не мужская лесть.
У стойки, в сигаретном дыме
К ним с предложеньями тупыми
Прошу я слабаков не лезть.

Своим прабабушкам под стать,
Они любимых будут ждать...
Разборки прекратите, войны,
Мужчины, станьте их достойны,
Попробуйте завоевать!

Есть женщины такие, есть.
Меня подталкивает тесть:
«Одна из них – рядом с тобою...»
Бокалы осушаем стоя,
Провозглашая тост в их честь.

Есть женщины такие, есть!

КУРЬЁЗЫ ДИЗАЙНА

Берёзы у Тейт модерна* –
Памяти Левитана.
Всё это, конечно, верно,
Хотя и довольно странно.

А может быть, это берёзы
Тёрнера и Констебла,
Дизайнерские курьёзы,
По тёмному камню – белым.

Земли живые фломастеры,
Кроны расписаны густо.
Санкциям не подвластны:
Природа. Душа. Искусство.

Лондон, 2017

* Музей современного искусства на берегу Темзы.

АВТОПОРТРЕТ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Был в юности и я не хуже,
Чем Жан Маре или Делон.
Совсем недавно обнаружил,
Что с виду я – индийский слон.

Сравнение вполне подходит.
Убрать лишь галстук и очки.
Свисает нос, почти как хобот,
И уши, словно лопухи.

Глаза – две маленькие точки
И у спины заметный склон...
Заладили сегодня дочки:
«Ты, папа, не ходи, как слон!»

Пробежки завтра начинаю,
На фитнес с внуками иду.
Для похуданья уминаю
Вегетарьянскую еду.

Жена готовит три салата,
Нарезав дольками лимон...
Я для неё, как был когда-то:
Тот же Маре, тот же Делон!

ИНТЕРБАБУШКА

По интернету искала Аглая
Место, где нету тоски и раздрая.
Где не жируют на гражданах ЖЭКи,
Где не торгуют подделкой аптеки.
Где нет чернухи на ярком экране,
Где нет сивухи в гранённом стакане.
Вежливы очень милиционеры,
Вместо помоек – с цветочками скверы.
Будто бы ветры, подувшие с улиц,
Добрые люди к добру потянулись.
Учителя и двух войн ветераны,
Местные мамонты – библиоманы.
Сколько улова в сетях интернета:
«Вот вам, Аглая, от феи карета.
Время придёт, повстречаете принца,
Может, сантехник, пока пригодится!»
Разную почту читала Аглая:
«Мне девяносто и с кучей бабла я».
Был молодняк ядовитый, колючий:
«Вам, интербабушка, что-то покруче?»
Поизгалялись соседские дети,
Не нагулялись ещё в интернете.
Ей одноклассник назначил свиданье,
Гору цветов привезя на «седане».
Осени поздней цвели хризантемы.
В общем, любовь все решила проблемы.
Материальна, она, безусловно,
Только с годами больше духовна.

Этой историей я предлагаю
Искренне, дружно поздравить Аглаю.
Пусть повезёт всем, кто ищет отныне
Счастье своё в мировой паутине.

ОДА КАРТОШКЕ

Любовь не картошка... И всё же – картошка.
С годами она подгорела немножко
Вдвоём рассмеёмся. Картошку жуём.
И не расстаёмся. Вот так и живём.

На этой картошке, со шкварками вместе,
Мы сами росли. Да и выросли дети.
Запечь её нужно в горячей золе,
В компании дружной – на общей земле.

Картошка в бульоне, картошка в мундире.
Картошки вовек не убавится в мире.
А внук удивится: – Вы чьё, старичьё?
Готовятся чипсы теперь из неё!

Любовь не картошка... И всё же – картошка.
Кефира добавь – получилась окрошка.
Годам не сдаёмся – картошку жуём...
Не расстаёмся. Вот так и живём!

АНТИГЕРОЙ

Где Мефистофель? Жив стервец.
В какой-нибудь лаборатории
Он моделирует конец
Всеобщей мировой истории.

КРИЗИС МИНОВАЛ

Эпидемия доллара –
Фунты пропишет Сбербанк
Вам с капустой Брюсселя
И с берега Рейна.
И когда наш Ташкент
Говорит всему миру: «Хорманг!»,
Эпидемия доллара –
Это уже не смертельно.

ВЫБОР ОЧКОВ

Нет нигде в продаже розовых очков.
Мы же умудрялись надевать их часто,
Получая много крепких тумачков...
Больше не наденем, заверяем: «Баста!»
Набирать стремимся нужные очки,
И места обходим, где огнеопасно.
Не снимая носим чёрные очки.
Мы понять не можем: чем так жизнь прекрасна?

СТАРИННЫЕ ОБРЯДЫ

Из тоненьких веточек тала
Девчонка сплетает веночек
Для тех, каких будет не мало,
Дней лунных и солнечных ночек.

Старинные живы обряды,
Один – провожанье невесты.
Красивые шьются наряды,
Заветные помнятся песни.

«Поймал перепёлочку кочет».
Мальчишки корят: «Тили-тесто!»
Ей голову снова морочит
Женатый певец у подъезда.

И сны тебе сладкие снятся,
Трепещет, как волны, дыханье.
Ты – вся в ожидании счастья.
И дело лишь за женихами.

РЕМЕЙК ПО МАЯКОВСКОМУ

Строча эсемески, входя в интернет,
Пусть критик мой пыл не остудит, –
Отечество славлю, которого нет,
Но трижды – которое будет!

ПОТЕРЯННЫЙ КЛЮЧ

Одиночество часто
Как закрытая дверь.
И нельзя достучаться
После стольких потерь.

Где тот ключ, что откроет,
Есть ли он у кого?
Нужно вместо героев
Звать себя самого.

Лучше краткого тоста
Не найдётся ответ:
Всё великое просто.
Возразите? Нет-нет.

Друг с женою развёлся.
Заказал дубликат –
И другой обзавёлся:
Счастлив. Молод. Женат.

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

Называют меня «стариком».
Ты, родная, одна лишь тайком
Величаешь меня молодым-молодым.
И пускай мои волосы – дым,
В сердце чувствую столько огня,
Оттого что ты любишь меня.

ЛУННЫЙ ПРАЗДНИК

*Художнице Це Ким Хурен,
автору рисунков к моим книгам,
изданным в Южной Корее*

Ночь любования луной –
Старинный праздник.
В тот миг с тобою и со мной
Мир, полный сказок...

А что такое наша жизнь –
Не сказка ль это?
То клонит вниз,
То бросит ввысь
Нитью сюжета.

Зависит часто не от нас
Её развязка.
Прошу я Небо всякий раз:
Пусть будет сказка!

Я, как мальчишка,
Снова мчусь
На карусели.
Мелодия взаимных чувств
Звучней свирели.

Улыбка на твоём лице –
Это не маска.
В начале жизни и в конце –
Пусть будет сказка.

Бал состоится.
Серебро. Звенят бокалы.
И Гауф здесь, и Шарль Перро,
Список немалый....

О, как тебе идёт наряд
Из листопада!
И подарить нам этот сад
Природа рада.

Хрусталь звенящий из ручья
Творить умея, -
И знаю я: она твоя
Из сказки фея.

Шатёр укроет нас вполне.
Большие ветки.
И в мире сказочном мы не
Марионетки.

Представишь свой волшебный труд,
Небесполезный.
И, может быть, не назовут
Тебя принцессой.

Не лей своих бесценных слёз,
Начнётся дождик.
Тебе букет из алых роз
Принёс художник.

Ночь любования луной –
Красивый праздник.
И в нём – скажу строкой одной:
Ты всех прекрасней!

Поздние итоги:
Болезни и муки.
Свой всему черёд...
Остывает сердце,
И слабеют руки,
А душа растёт.

1999

Потресканный кувшин.
Нальёшь воды –
Он плачет.
И слёзы у него,
Как чистая роса.
Склоняется над ним.
Хозяйка тоже плачет.
И в жизни так всегда:
Слеза – к слезе.
Слеза...

НОВОГОДНЕЕ

Берег счастья,
Где когда-нибудь встретимся мы.
А пока что
Будут серые будни зимы.

*Жужжанье ос
У снежных роз.
Зима. Мороз.
Не видно слёз...*

На дорожках
С пылью уличной смешанный снег.
И в окошках
Занавеской приглушённый свет.

Ранней ранью
Повстречаю тебя у крыльца.
Но в тумане
Разглядеть невозможно лица.

Снег клубится.
Городская недолгая тишь.
Белой птицей
Ты куда-то на крыльях летишь.

Хоть не часто,
Но судьбою даётся взаимы
Берег счастья,
Где когда-нибудь встретимся мы.

РЕМЕЙК СТИХОВ А.НАВОИ

*«Жизнь, ты мною так любима,
Чаровница жизнь»
Алишер Навои*

Жизнь люблю всё жарче, всё ревнивей,
Улыбаясь вешнему лучу,
Листопаду, снегу, шуму ливней,
Днями уходящими плачу.

Кто сказал, что валит с ног усталость?
Многое ещё мне по плечу.
В рог бараний скручивает старость...
На неё смотрю и хохочу.

В парке с малышнёй веду беседу,
С девушками милыми шучу,
До последней остановки еду,
Днями уходящими плачу.

Облаков осенних просветленье
Обещает зрителям сюрприз.
Завершится жизни представление,
Лучшее исполнится на бис.

Жизнь люблю. Большие расстоянья.
Пенье птах у дальних переправ.
И пока хватает мне дыханья,
Верю в силу заповедных трав.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

В том воплощении другом
Я стать хотел бы родником
В полдневный зной
Не высыхающим.
В дни саратана,
В дни, когда
Дороже золота вода
И людям,
И птенцам взлетающим.
В том воплощении другом
Я стать хотел бы родником
В морозной мгле не застывающим.
И влагой, что как лёд чиста,
Огнём зажечь твои уста,
Огнём живым, не угасающим.
В том воплощении другом
Я стать хотел бы родником,
Минувших встреч не забывающим.

ЖИВАЯ ТРАВА

Трава прорастает сквозь нас
Без боли в грядущем далёком.
Пока же в стотысячный раз
Мы топчем, что было истоком
Улыбок и видящих глаз.

* * *

Весны бекасам –
Летя к небесам,
Ветерком по долинам,
По ветвям тополиным,
Глянь:
Ткётся
Сине-зелёная
Ткань.

ЖЕМЧУЖИНА

Боль была. Земля завьюжена.
Жгла песчинка в глубине...
Коль спасать – спасай недужного,
Отыщи в песке, на дне.

Боль была. Земля завьюжена.
Лёд не таял на стекле.
Коль спасать – спасай ненужного,
Свет зажги в кромешной мгле.

Боль была. Земля завьюжена.
Боль на нет сошла уже.
Обнаружена жемчужина
В человеческой душе.

ДАРЫ

Земные сроки намечает
И – среди множества даров –
Нас всех Всевышний разлучает
Для встречи в лучшем из миров.

Подобно Данту Алигьери,
То право каждому дано.
И я живу, в свиданье веря,
С тобой, ушедшей так давно.

Кем были – остаются теми:
Мать и отец, сестра, жена.
Не просто призрачные тени.
Звучат родные имена.

И я пройду кругами ада,
Чтобы у края бытия
Душой понять, что в кущах сада
Ты ждёшь меня, любовь моя.

В ТИШИНЕ

Так заботлива и не слышна.
От души благодарен за это:
Тишина... Тишина, ты – жена
Идеальнейшая для поэта!

Чем симпатичен мне Маленький Мук?
Тем, что изведав немаленьких мук,
Мчится в своих удалых сапогах
И не брюзжит о любых пустяках.

Старинный клавесин.
Сыграй на нём. Сыграй, но
В избытке юных сил
Исполни только Гайдна.
На миг хотя б забудь:
Мир грозен, зол, греховен.
Играй. И светел будь,
Ещё придёт Бетховен.
Старинный клавесин.
Забытых нот звучанье.
И чтобы рядом с ним —
Свечи одной мерцанье...
Сыграй, сыграй на нём,
Чаруя и печалю,
Пока не грянул гром
Из чёрных туч рояля!
Старинный клавесин.

1968

В ТУРБУЛЕНТНЫХ ПОТОКАХ

Идеальная женщина,
идеальный мужчина,
Неужели однажды
вы друг друга найдёте?
Сто границ между вами –
это первопричина,
Что не встретятся завтра
ваши руки в полёте.
Оформляете визы.
Сердца на пределе,
Оттого что с другими
поёте и пьёте.
Тяжелеет походка,
виски поседели...

.....

А вчера вы летели
в одном самолёте.
«Пристегните ремни!»
Томик взяв Апулея,
Приглушите моторов
дрожащие звуки.
Не теряйте надежды,
хоть с годами сильнее
В турбулентных потоках
дуют ветры разлуки.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЧАС, ИЛИ ЗАКОНЫ ТВОРЧЕСТВА

Художник ставит на весы
Реальное и то,
Что он увидел в дни весны
Сквозь неба решето.

Течёт летейская вода
Созвездий и времён,
Смывая лица, города
И чью-то явь и сон.

Ты неизведанного ждёшь
И не смыкаешь глаз,
И в сутках повстречаешь всё ж
Свой двадцать пятый час.

Когда дела идут на «пять»
В Пегасовом седле.
И могут дворники летать,
Как ведьмы, на метле.

Что вдохновение? Оно
Вдох нового. Цветок.
В нём скрыто истины зерно
И вечности глоток.

ПОКУПАТЕЛЬ ДУШ

Сам не раз наблюдал эту сцену,
Этот голос в толпе узнаю:
«Друг любезный, за сходную цену
Продадите ли душу свою?»

Продают. За неё получили
Благ не мало. А вновь неуют.
Не учли, видно, продешевили,
То продав, что лишь раз продают.

Продавали кому-то за что-то:
«Объегорил, хитрец, обманул...»
Понимали, чья это работа.
Покупателем был Вельзевул.

ГЛАЗА ГАЗЕЛИ

В каждом селенье своя Ассиза.
Та, у которой газельи глаза.
Созданы в мире газели,
Чтоб изумлённо глазели
Все мальчуганы на них.
Первых своих впечатлений,
Сладостных первых томлений
В сердце хранили дневник.

СЛЕПАЯ КОШКА

Слепая кошка постучалась в дом.
Кто хочет стать её поводырём?
Поможет ей переходить дорогу –
И человек нашёлся, слава Богу.
Представьте, обнаружился чужак,
Какой-то скучный, отставной моряк.
Он много лет провёл на корабле
И загрустил, шагая по земле.
На линии сплошной береговой
Жизнь его стала тусклой и пустой.
Подруга юности его не дождалась.
Её увёз какой-то бизнес-князь.
Моряк открыл незрячей кошке дверь
И позабыл о множестве потерь.
Они бредут по улице вдвоём,
Они поют на берегу речном.
Моряк на зорьке хочет поскорей
Поймать для милой кошки пескарей.
Слепая кошка – как ей повезло
Ладоней жёстких ощущать тепло.
О, счастье, жизни подводя итог,
Знать то, что в мире ты не одинок.

КТО ТЫ?

Вдруг окажешься в доме пустом.
Ты один, не считая растений,
То ли раненый аист осенний,
То ли ангел с разбитым крылом.

КАЛЕНДАРЬ

Важно то, не кем родился,
Главное – кем ты уйдёшь,
Чем на свете пригодился.
Туча ведь ещё не дождь.

Иногда маячит в небе –
Капнут капельки: раз-два...
Жизнь прошла. Согнулся стебель.
В поле высохла трава.

И пока ночные росы
Ранней осени блещут,
Всё вопросы, всё вопросы
Холодят до самых пят.

Есть понятия простые:
От работы кони мрут,
Если хлопоты пустые
И дела – сизифов труд.

В лес бегут шальные волки,
Сколько хлебом ни корми.
Ждут поклёпы, кривотолки...
Как остаться всё ж людьми?

Лгать себе же нету смысла.
Братец, в корень посмотри:
Перекладывают числа
И не врут календари.

Как ты жил, за что старался,
Был чему на свете рад.
Кто после тебя остался,
Где тобой возвращённый сад.

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Держит солнышко маленький шарик –
Нашу Землю за тонкую нить,
Как ребёнок, который состарясь,
Продолжает играть и шутить.

Надоели светила причуды,
Принимает людей за кого?
С ним готовы вступить в пересуды
И себя ставить выше его.

Снова рвенье борца-святотатца,
Свой огонь зажигаем в дому,
Перестали ему поклоняться
И с мольбой обращаться к нему.

Наша жизнь на Земле – это Солнце,
Светоносный родник и магнит.
Что нас ждёт, если нить оборвётся,
Шар воздушный, земной улетит...

ALTEREGO

О ком-то забочусь
О чём-то пекусь...
Вконец скособочусь
И рухну без чувств.
Во сне будет сниться
Вновь галиматья:
Летит колесница
Куда-то твоя.
Под яростным небом,
Бесстрашен в седле
Ты был или не был
На этой земле?
Толочь воду в ступе
В часы непогод...
Но утро наступит
И снова в поход.
Сразить лиходея,
На бой против зла.
Сама Дульсинея
Тебя повела.
До строгого берега,
До стиковых вод
Твоё Alterego
Всегда – Дон Кихот.
Сумей удержаться
Подольше в седле.
С тобой Санчо Панса
На этой земле.
Ты – рыцарь, ты – профи,
Бьют колокола.
Воинственный профиль...
И мельниц крыла!

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Как паутинки, вдруг окутывают небо
Под вечер городские облака.
Мы заняты делами, и нам не до
Того, что осень хмурая близка.
Твоя свекровь, она вчера купила
Внучонку Lego, сладостей пакет
За деньги, кои летом накопила,
И чувствует: по швам трещит бюджет.
Действительно, текущие заботы
И у неё, и у страны одни:
Кредиты, инвестиции и квоты,
Чтоб дольше длились солнечные дни.
И скромной пенсии хватило чтобы
Купить на сейле из Китая сапоги.
И с ними дальше – в ливни и сугробы...
О пасмурное небо, помоги.

БРЕМЯ СЛАВЫ

*... отрадней спать,
отрадней камнем быть.
Ф. Тютчев*

Писатель – человек,
Который много пишет.
Свой завершая век,
Он более не дышит.

Писатель не хотел
Себе посмертной славы.
Кто ж на него надел
Её венец лукавый?

Ему не прокричать,
Как некогда: «Доколе!»
И станут изучать
Его творенья в школе.

Разбив на сто цитат
И заноса в шпаргалки,
В мученья превратят
И в чтение из-под палки.

ГЛАВНЫЕ СЛОВА

Их знают люди и растенья,
И в трелях сыплют соловьи,
Земля их слышит и Вселенная.
У всех свои Слова Любви.

Наш бранный мир преображается
И радуги торят пути,
Когда влюблённые решаются
Эти слова произнести.

Но если их предать забвению,
Сжигая близости мосты,
Людей, и Землю, и Вселенную
Охватит ужас немоты.

Содержание

ИЗ ЦИКЛА «МОЯ ЕВРАЗИЯ»

Земля корней	2
КАСЫДА.....	2
СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ	3
ПЕРЕПЕЛ-БЕДАНА	3
ДОМ ДЕТСТВА	4
МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА	5
ПТИЦА-СВЕТ	6
ЛАЙЛАК КОР – ВЕСЕННИЙ СНЕГ	7
БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ	8
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И АЙСЕДОРА ДУНКАН	9
НАЧАЛО.....	9
СЕРДЦЕ САКСАУЛА	10
БОРИС ПАСТЕРНАК	10
САД ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ	11
ГЛАЗА ВАСИЛЬКОВЫЕ	12
ИЮЛЬСКАЯ ЖАРА. ВЫСОЦКИЙ	13
НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ	14
РЕЦЕПТ ИБН СИНЫ	15
ВСПОМИНАЯ ХАЙЯМА	15
РУБАИ	16
ДОМ ПАБЛО НЕРУДЫ	17
К ПОРТРЕТУ УШЕДШЕГО ДРУГА.....	18
СВЕЧЕНИЕ ЖИВОЕ. ТРИПТИХ	19
ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ	19
ТОСТ ИМЕНИННИКУ – СТАРШЕМУ ВНУКУ	20
СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ	20
МЕЧТА	21
ЕЁ ИМЯ ОЙЛАР.....	22
Когда бывает сердце влюблено	23
ЛЮБОВЬ	23
ЩЕДРОСТЬ ПОЭЗИИ	24
ХРАМ БУДДЫ	25
ЭПОХА ПЕРЕМЕН.....	25

ХОЛМЫ АФРАСИАБА	26
ЗАХОД СОЛНЦА	26
ЮБИЛЕЙ ДЕРЕВА	27
ПАМЯТИ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	28
ИРИСЫ ЗА ОГРАДОЙ	29
ПУТЬ КНИГИ	30
СЕРГЕЙ БОРОДИН. УРОКИ ИСТОРИИ	31

ИЗ ЦИКЛА «ДРУГАЯ РОССИЯ»

ЗАПОВЕДИ ПАСТЫРЯ	32
ПУШКИН. МИХАЙЛОВСКОЕ	33
МАТЕРИНСКАЯ БОЛЬ	34
ЕСЕНИНСКИЙ КОСТЁР	35
ЛЕТО 2010 ГОДА	35
В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ	36
МАГДАЛИНА	37
ЗЕРКАЛА	38
БУЛГАКОВСКИЙ «БЕГ»	40
АВАРИЯ В МЕТРО	41
ПОЧТИ ПО БЛОКУ	42
ТОСТ ЗА УДАЧУ	42
ИЗНАНКА ВОЙНЫ	43
Чья-то удача и тебе награда	44
ROESIA	44
ДЕВАЛЬВАЦИЯ	44
ДОСТОЕВСКИЙ. ПЕРВАЯ КНИГА	45
НАТАЛИ В НЬЮ-ЙОРКЕ	46
МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ	47
ЖЕНСКАЯ ДУША	48

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ И ПОСВЯЩЕНИЯ»

Я дружбу людей воспеваю	49
МУЗЫКА ДЕТСТВА	49
БАРСЕЛОНА ЗИМОЙ	50
ПЕРВЫЕ СКРИПКИ	52
АПРЕЛЬСКИЕ ФИАЛКИ	53
ТАНЦЫ ЮГА	54

ЦВЕТЕНИЕ МИНДАЛЯ.....	56
ПЕСНЯ АИСТА	57
РОМАНС КОФЕЙНОЙ НОЧИ	58
ПАМЯТНИК ЭПОХЕ	59

ИЗ ЦИКЛА «КАМЕНЬ ГУЛАГА»

ИМЯ БАБУШКИ.....	60
ДОБРО И ЗЛО	60
КАМЕНЬ ГУЛАГА.....	61
КУСТ ЖАСМИНА В ЦВЕТУ	62
КРЕПКИЙ ГАЗЕТЧИК.....	62
ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ	63
К СТОЛЕТИЮ МАМЫ	64
У МЕМОРИАЛА «ШОХИДЛАР ХОТИРАСИ»	65
КУЛЬТ ВЕЛИЧИЯ.....	66
КРЫЛЬЯ АНГЕЛА	67

ИЗ ЦИКЛА «ЕРУСАЛИМСКАЯ ТЕТРАДЬ»

СТОЛИЦА МИРА И МИРОВ.....	72
ГАЛИЛЕЯ	72
ДОЛГОЖИТЕЛЬ НОЙ, КОТОРЫЙ ПРОЖИЛ ... ЛЕТ	73
СОЛЬ МЁРТВОГО МОРЯ	73
ПРОСТОЕ ДЕРЕВО	74
ГОРОД НА ХОЛМАХ	74
АВЕЛЬ И КАИН	75
ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ	76
ГОЛОС КРОВИ.....	77
МОИСЕЙ И МЫ	77
КАК СТАТЬ ЕВРЕЕМ?	78
«СЕ ЧЕЛОВЕК»	79
ЛЕС НА ПЕПЛЕ	79
КНИГА ЖИЗНИ	80
ЦАРЬ ИРОД И УДОД	80
МАТА ХАРИ.....	81
НЕБЕСНЫЙ ДИАЛОГ	83
СПОР АТЕИСТОВ.....	84

ИЗ ЦИКЛА «РАССТАВАНИЯ И ВСТРЕЧИ»

В ДОРОГЕ	85
ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО МАЯ	86
ТАНГО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ	86
СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.....	87
РАССТАВАНИЯ И ВСТРЕЧИ.....	88

ИЗ ЦИКЛА «ЗЕМЛЯ КОРНЕЙ»

ТАЙНЫ ДЕРЕВЬЕВ	90
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ УХОДИТ	91
КУСТ ЗЛАТОЦВЕТНЫЙ	92
Здесь ушла под воду Атлантида	93
БАЛЛАДА ОБ АИСТАХ БУХАРЫ	94
ПАМЯТИ СПИЛЕННОГО ДЕРЕВА	95
ЛЕСНОЙ ПОЖАР	96
КОРНИ	96
ВСЕЛЕНСКИЙ МУРАВЕЙ	97
ЭКОСИСТЕМА ПУСТЫРЯ.....	98
ВОРОБЕЙ	99
СОСЕДКИ	101
СЛЕЗА ЛОЗЫ	102
ЛЕБЕДА.....	103
ИСТОРИЯ ИРИСА, ИЗЛОЖЕННАЯ ИСПАНКОЙ АННОЙ	104
Собаки тихо плачут умирая	104
МАРТОВСКИЙ КОТ.....	105
УРОКИ ЖИЗНИ	106
ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО	106

ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ ПО БРЕМУ И ЛАФОНТЕНУ»

ВОРОНА И ХОТДОГ	107
УПРАВЛЕНИЕ ОСЛОМ	108
ЭПИЗОД С МИФОЛОГИЕЙ	108
СЛОН ЭНД МОСЬКА.....	109
НОЕВ КОВЧЕГ.....	110
РИМ. КАЛИГУЛА	111
ТРАМВАЙ С ПОПУГАЕМ	112
ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ПАЛАТА	113

УШИ	114
УЛЫБКА СОБАКИ	115
РЫЖИЙ КОТ ПО КЛИЧКЕ ИОСЬКА	116
ПРИТЧА О СЫТОМ И ГОЛОДНОМ	116
МАДАМ ЛИТЕРАТУРА	117
КОСМИЧЕСКАЯ МИСТЕРИЯ	118

ИЗ ЦИКЛА «ХУДОЖНИКИ И ПОЭТЫ»

ГОРОД МАРКА ШАГАЛА	119
ВАН ГОГ В НУЭНЕ	120
ОН СЛУШАЛ МУЗЫКУ ВЕСНЫ... ..	121
СТРАХИ ЭДВАРДА МУНКА	122
КАРТИНА С АУКЦИОНА	123
МИГ И ВЕЧНОСТЬ	125
КАРДИОГРАММА	125
ВЫСОЦКИЙ НЕ ЗВЕЗДА... ПОЭТ	126
«БЕГ ВРЕМЕНИ...»	127
КОРАБЛИК	128
ТАМ	129
ГОРСТЬ СТРОК	129
КУБИСТИЧЕСКАЯ ХАРИЗМА	130
АННА АХМАТОВА В ТАШКЕНТЕ	131
ИДЕАЛЬНЫЙ МИР	131
ВИДЕНИЕ БАБОЧКИ НАБОКОВА	132
МОДЕРН	133
РЕАЛИЗМ	133
ЧЮРЛЁНИС	133
ФРАНЦИСКО ГОЙЯ	134
ФРАНСУАЗЕ САГАН	135
САМОРОДОК	136
ВЫСТАВКА В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ	137
ТРАНСПАРАНТ	137

ИЗ ЦИКЛА «СИГНАЛЫ SOS»

АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО	138
СИГНАЛЫ SOS!	139
СТРОФА АПОКАЛИПСИСА	140

НОВАЯ МИФОЛОГИЯ	141
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	142
ИСПАНСКАЯ КОРРИДА	142
ИСПОВЕДЬ СТРАННИКА	143
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ.....	143

ИЗ ЯПОНСКОГО ЦИКЛА

ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ	144
ФУДЗИЯМА	145
ИСКУССТВО БОНСАЯ	145
НОВЫЙ ГОД В ТОКИО	146
ПЕРЕД СВАДЬБОЙ	146
МЕГАПОЛИС	147
ТОКИО. ГИНДЗА	147
ПАМЯТЬ ХИРОСИМЫ	147
ГОРОДСКИЕ ДЕРЕВЬЯ.....	147
ЧИСТО ЯПОНСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ	148
АКВАРЕЛИ	148
ЛИНИИ СУДЬБЫ	148

ИЗ ЦИКЛА «ДО ЛИСТОПАДА И ПОСЛЕ»

КРИЗИС ВОЗРАСТА.....	149
СМЫЧОК И СКРИПКА	149
СУЕТА СУЕТ	150
ТЫ – ИНОПЛАНЕТЯНКА!	151
ЗАСУШЛИВЫЙ ГОД.....	152
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	153
ДНИ РАМАЗАНА	153
МУЖСКАЯ СЕДИНА	154
ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ	154
СОЗВУЧИЕ СЛОВ.....	155
СТЕКЛОПОСУДА	155
СЫНОВЬЕ СЕРДЦЕ.....	156
ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА	157
ТОСТ В ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ	158
КУРЬЁЗЫ ДИЗАЙНА	159

АВТОПОРТРЕТ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА	160
ИНТЕРБАБУШКА	161
ОДА КАРТОШКЕ	162
АНТИГЕРОЙ.....	163
КРИЗИС МИНОВАЛ	163
ВЫБОР ОЧКОВ.....	163
СТАРИННЫЕ ОБРЯДЫ.....	164
РЕМЕЙК ПО МАЯКОВСКОМУ	164
ПОТЕРЯННЫЙ КЛЮЧ	165
СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ	165
ЛУННЫЙ ПРАЗДНИК	166
Поздние итоги	168
Потресканный кувшин	168
НОВОГОДНЕЕ	169
РЕМЕЙК СТИХОВ А. НАВОИ.....	170
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ	171
ЖИВАЯ ТРАВА	171
Весны бекасам	172
ЖЕМЧУЖИНА	172
ДАРЫ	173
В ТИШИНЕ	173
Чем симпатичен мне Маленький Мук?	174
Старинный клавиесин	174
В ТУРБУЛЕНТНЫХ ПОТОКАХ.....	175
ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЧАС, ИЛИ ЗАКОНЫ ТВОРЧЕСТВА	176
ПОКУПАТЕЛЬ ДУШ.....	177
ГЛАЗА ГАЗЕЛИ	177
СЛЕПАЯ КОШКА	178
КТО ТЫ?.....	178
КАЛЕНДАРЬ	179
СОЛНЦЕСТОЯНИЕ	180
ALTEREGO	181
СЕЗОН ДОЖДЕЙ	182
ВРЕМЯ СЛАВЫ	182
ГЛАВНЫЕ СЛОВА.....	183